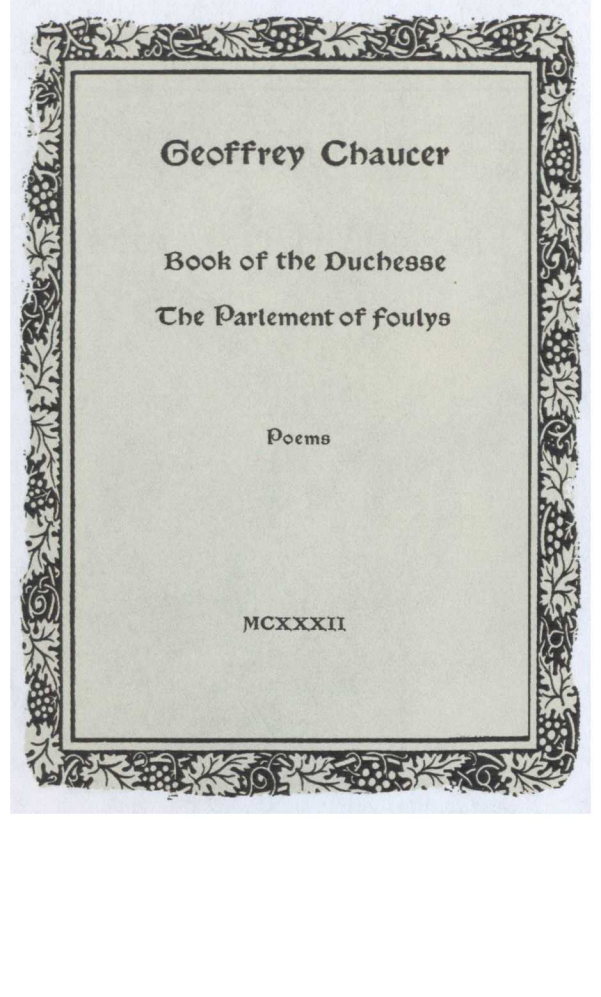

■ Т Р И У М Ф Ы ■

Geoffrey Chaucer

Book of the Duchesse
The Parlement of foulys

Poems

MCXXXII

Д ж е ф ф р и Ч о с е р

КНИГА О КОРОЛЕВЕ
ПТИЧИЙ ПАРЛАМЕНТ

Поэмы

Перевод с английского
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВСКОГО

МОСКВА
ВРЕМЯ
2005

ББК 84.4
Ч75

Редакционная коллегия серии:

*Е. В. Витковский, М. Л. Гаспаров,
А. М. Гладкова, В. Б. Микушевич,
Б. Н. Пастернак (председатель)
А. М. Ревич, Е. М. Солонович*

Оформление, макет серии

Валерий Калныньш

Подготовка иллюстраций

*Марина Орлова,
Леонид Петрушин*

ISBN 5-94117-146-3

© С. А. Александровский, перевод, комментарии, 2004

© «Время», 2004

КНИГА О КОРОЛЕВЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Клянусь: уразуметь невмочь,
Как не погибну! День и ночь
Вотще и втуне* кличу сон!
И, бодрствованьем изнурен,
5 Не примечаю, что и как
Творится вокруг; полночный мрак
И свет полдневный наравне
Все чувства притупляют мне.
Я ни восторгов, ни скорбей
10 Не знаю больше, хоть убей;
Сражен бессонницей, живу,
Готовый бредить наяву;
И чудится, сойду с ума,
Коль не придет ко мне дрема.
15 Отколь сия взялась невзгода?

Вы сами знаете: природа
Велела всякому из нас
Покой вкушать в урочный час;
А коль покоя не вкусил —
20 Надолго ли достанет сил?
Всю живость, весь былой задор
Утратил я с давнишних пор.
И поутру, и ввечеру
Во страхе мыслю: днесь умру
25 И вечный обрету покой!
Согбенный черною тоской,
Не в силах я расправить грудь.
И думы горькие отнюдь
Не покидают головы...

30 «Но что же, — подивитесь вы, —
С повествователем стряслось?»
Увы, нелегок ваш вопрос,
И как ответить, не вем*
Наверняка; но все же нем
35 Не буду: мню, о добрый друг,
Сия бессонница — недуг,
Которым целых восемь лет*
Злосчастный мается поэт.
К единственному же врачу,

40 К целебнице... * Но не хочу
Сердечную тревожить боль!
Прошу, о добрый друг, дозволь
К повествованью выйти вспять.

...Намедни, уж не чая спать,
45 Я сел в постели. Мой слуга,
Чтоб ночь казалась недолга,
Принес роман старинный вмиг —
Поскольку я любитель книг,

Не любящий тавлей и зерни*,
50 Несмысленной любезных черни.
Да, чтение — удел господ!

То был сказаний древних свод*,
Уложенных в чеканный стих
Поэтами времен былых,
55 Чтоб сохранялся каждый миф,
Доколе разум в мире жив.
Латинский мне вещал язык
Про жизнь владычиц, и владык,
И олимпийцев. На сей раз
60 Меж прочих я сыскал рассказ
О дивном деле, бывшем встарь:

Жил некогда в Элладе царь*
Кеик; и лучшую средь жен
Себе в супруги выбрал он.
65 Супругу звали Алкионой.
И вскоре вздумал по соленой
Пуститься хляби, морем плыть
Кеик — мой стих утратит прыть,
Поведав перечень причин*.
70 Короче: грянул гнев пучин!
Не стало проку от весла,

И мачту буря прочь снесла.
Корабль разбился на куски —
Ни человека, ни доски!

75 Так царь Кеик пошел ко дну.

Предчувствие томит жену:
«Куда поделся? Уж немало
Тревожных суток миновало!
Ведь не за тридевять земель

80 Уплыл — а нет его досель!»

- Предчувствие жену гнетет
И дни, и ночи напролет:
«Уж не приплыть назад царю!»
Но здесь перо свое смирю:
85 Сумею высказать едва ль,
Насколько мне беднягу жаль.
Когда минул предельный срок,
Гонцов на запад и восток —
Но втуне! — выслала вдова...
- 90 «Увы! Ужели я права?
Мой муж, любовь моя, мой бог —
Ужель на дно морское лег?
Я хлеба есть не стану впредь,
Клянусь, о Гера, лишь ответь!
95 Даю немедля сей обет —
Лишь молви: жив он или нет?»
...Я оторвал от книги взор
И слезы тихие отер.
В бессоннице — изрядный вред,
100 Но сколь на свете горших бед!

Ни слова не слышать от Геры.
Терзаясь паче всякой меры,
Царица пала ниц: «Увы!

Гонцы не принесли молвы,
105 И та, чей брат и муж — Кронид*,
Увы, безмолвие хранит!
О, смилуйся же, госпожа!»

Теряя разум, вся дрожа,
Кричит она: «Молю, нарушь
110 Молчание! О, где мой муж?
Узрю ль его? Привечу ли?
Иль мужа волны погребли?
Прекраснейшую из телиц
Пожертвую! И к сонму жриц
115 Твоих причтусь душой и телом!
Служительницы в свете целом
Такой не сыщешь ты вовек!
О, если б голос твой изрек,
Что с мужем... Или в вещем сне
120 Дозволь царю явиться мне,
Поведать: жив он иль погиб!»
Вдова, издав горчайший всхлип,
Сомлела. К ближней из лежанок
Отнес царицу рой служанок —
125 Притихший рой печальных дев* —
И там, заботливо раздев,
Они устроили ее.

И понемногу забытье
Дрема сменила. Знать, дотла
130 Странаньем выжжена была
Душа царицы... Иль, дабы
Скорей ответить на мольбы,
Вмешалась Гера, коей зов

Понесся к вестнику богов* —
135 И тот, представши Гере враз,
Подробный выслушал наказ:

«К Морфею, богу сна, ступай
В угрюмый киммерийский край*.
Скажи: пускай спешит Морфей
140 В просторы грозные морей,
Пускай во мгле глубоких вод
Царя погибшего найдет
И внидет пусть в осклизлый труп*
Того, кто был супруге люб
145 Настоль. И взору спящей навь*
Пускай предстанет, словно въявь,
И пусть поведает сполна,
Как разнесла корабль волна
И смерть явилась, точно тать!
150 И пусть речет: напрасно ждать
Прекраснейшего из царей...
Ступай же, и ступай скорей».

Тотчас гонец пустился в путь
И не посмел передохнуть
155 Отнюдь, покуда не сошел
В пространный и суровый дол*
Меж двух утесов. Полумрак
Долину полнил; там ни знак,
Ни древо не росли вовек;
160 Там люди не селились; рек

Там не бежало — но со скал
Родник таинственный свергал
Свою снотворную струю
К пещере некой в том краю —
165 Сие богов была обитель:
Морфей и с ним — его родитель,
Гипнос, покойно почивали
В пещере, чуждые печали,
Забот и божеских работ.

170 И столь был темен этот грот,
Что мог казаться истым адом.
И сколько снов с богами рядом
Покоилось недвижимым сонмом*,
Преизощрясь в искусстве сонном!
175 Иной сидел, иной поник,
Иной сокрыл рукою лик,
Иной же руки разметал...

Гонец ворвался, точно шквал*.
«Эгей! Вставайте!» — грянул глас.
180 Увы! У спящих слух угас.
«Морфей! Ленивец! Спишь, сурок?»
И вострубил посланец в рог,
И рявкнул яростно: «Восстань!»
«Кто кличет в эдакую рань?» —
185 Морфей отвечивал, один
Отверзнув глаз. «Не господин,
Но повелитель, ибо весть
От госпожи притек донести...»
И, передав приказ точь-в-точь,
190 Гонец, как вихрь, умчался прочь —
В обратный устремился путь.

Морфею же дрему стряхнуть
И действовать пришлось тогда.

Морская отдала вода

- 195 Царя, почившего на лоне
Подводных трав. И Алкионе
В час пробуждения пичуг
Предстал утраченный супруг.
Бескровнолик, и прям, и строг,
200 Он медленно вступил в чертог
И рек: «Любимая! Теперь
Отринь сомнения, поверь:
Я взят пучиною морской.

О, не терзай себя тоской,
205 Не множь безрадостные дни!
Лишь не забудь, похорони
Мой труп, коль скоро будет он
До берега морем донесен.
Прощай! И поскорее пусть
210 Уймется скорбь, утихнет грусть!
Прощай, о свет моих очес!»

Он рек — и в тот же миг исчез.
Вдова звала его, стенья,
И через три скончалась дня... *
215 Читатель, не спеши винить
Поэта: мол, утратил нить,
Которую вначале прядь, —
Разброд в рассказе и развал!
Был вящий у меня резон
220 Поведать, что писал Назон.

Скажу одно: меня бы вмале
С почетом должным отпевали —
Душа, бессонницей томясь,
Уж расторгала с телом связь.
225 Но из Овидиевых строк
Я почерпнул нежданный прок,

И до поры прогнал напасть,
И вскоре отоспался всласть.
Читаю: в оны времена
230 Существовали боги сна...
И перечел поэму вновь,
И не однажды вскинул бровь,
И не однажды сморщил нос:
Что ж — бог Морфей и бог Гипнос
235 Любому смертному вдвоем
Отбой трубили и подъем?
Лишь истинного Бога чту;
И я пристойную шуту
Затеял тот же час игру
240 И рек: «Боюсь, вот-вот помру,
Сражен бессонницею сей!
Клянусь: воздам тебе, Морфей, —
Иль Гере, дивной госпоже, —
Любому из богов уже
245 Готов щедрейшею рукой
Воздать за сон и за покой!
Вот мой обет, но сказ не весь:
Пожертвую сейчас и здесь
Любому, кто хотя б чуть-чуть
250 Дозволит нынче мне вздремнуть,
Расшитый златом пуховик,

Отменно пышен и велик,
Подушек шелковых немало
И стеганое одеяло
255 Из наилучшего атласа;
А коль просплю не меньше часа,
То много большие дары —
Резную мебель и ковры
Персидские — в твою пещеру,
260 Морфей, отправлю! Тож и Геру
Не позабуду — только лишь

- Пошлите сон, покой и тишь:
Смогла же ведь во время оно
Забиться даже Алкиона!
- 265 О, я воздам тебе, Морфей,
Отнюдь не скупю, ей-же-ей —
Сие речется не в бреду.
И Гере обещаю мзду.
Богиня, будь ко мне добра...
- 270 И вдруг — упала с плеч гора:
Я, не успев окончить речь,
Восчувял, что пора прилечь, —
Внезапный сон меня берет...
И я на книжный переплет
- 275 Поник усталою главой:
Уснул за много дней впервой.
И мне привиделся вельми*
Чудесный сон — и меж людьми
Ни стар не встретился, ни мал,
- 280 Чтоб этот сон истолковал.
Иосиф, изъяснивший сон,
Который видел фараон*, —
И тот бы растерялся тут.
Макробий*, написавший труд
- 285 О вещем сне, о дивной встрече

Со Сципионом, — недалече
Проник бы здесь, — а я тем паче
Бессилен в эдакой задаче,
Уму воздвигшей тьму препон.
290 Гадайте сами — вот мой сон.

СНОВИДЕНИЕ

Мне снились ясный месяц май
И близкий щебет птичьих стай;
Мне снилось, что рассеял тьму
Рассвет, и я стряхнул дрему.
295 И что, за трелью слыша трель,
Покинул я свою постель,
Раскрыл окно, и поднял взор,
И понял, где ликует хор:
На кровле столь же было птиц,
300 Сколь закаленных черепиц.
И непрестанно, вширь и ввысь,
Напевы нежные лились;
Подобным гимном отродясь
Никто из нас — ни смерд, ни князь —
305 Не тешил душу: птицы в лад
Единый пели, всех услад
Сладчайший, — музыку сию
Слагали, чудилось, в раю.
Летел в простор лугов и нив
310 За переливом перелив,
И ведал я, что в даль плыла
Мирам заоблачным хвала,

Что рассыплю чистейших нот
Стремилась неземных высот
315 Пичуги славные достичь,
Бросая свой рассветный клич.
И всякая из этих птах
За совесть пела, не за страх
И за волшебные рулады
320 Не чаяла себе награды.
А в спальню каждое окно,

- Изысканно застеклено,
Струило пестрый ток лучей
Из множества цветных ячей.
- 325 На этих витражах война*
Подробно изображена
Троянская была: глазам
Являлись Гектор и Приам,
Ахилл и царь Лаомедон,
- 330 Аякс, Медея и Язон;
Парис в объятиях Елены...
А претворенный в гобелены
«Роман о Розе»* — сколько сцен! —
Составил украшенья стен...
- 335 Вечор, не чая почивать,
Я лег на эту ли кровать?
Ужель сие — мой старый дом
И мой знакомый окоем,
Из окон видевшийся прежь?..
- 340 Был воздух ласков, чист и свеж,
И не грозил ни хлад, ни зной,
И удивлял голубизной
Безоблачный небесный свод.
- И вдруг почудилось: поет
- 345 Рожок далече иль труба.

И вот охотничья гурьба
Промчала вскачь во весь опор.

Спустивши со смычков и свор*
И гончих, и борзых собак,
350 Охотники гадали: как
Ушла в чащобу, в глухомань,
Почти настигнутая лань?
Катились топот, лай и гам
По гулким утренним лугам.
355 И я, обрадован зело,
Покинул дом, вскочил в седло,
Подумал: живо нагоню
Ловцов! И шпоры дал коню.
И там, где лиственный навес
360 Раскинул первозданный лес,
Пространное объявший поле, —
Там прыть умерить поневоле
И всадник должен, и выжлец*, —
Я там настиг их наконец.
365 Спросил у одного из слуг:
«Кто здесь полюет, молви, друг?»
«Наш государь Октавиан»*.
«Ого! Коль это не обман, —
Я рек, — то с Богом, доезжачий!*

370 Пусть лов окончится удачей!» —
И сам к охотникам примкнул.
Возобновились гам и гул,
И тотчас меж лесных стволов
Продолжился упорный лов,
375 И лес простился с тишиной.
И грянул рога звук тройной;
И каждый, слыша этот звук,
За дротик брался либо лук

И лань готовился настичь...
380 Но красная лесная дичь*
Опять укрылась меж деревьев,
Облаву алчную презрев.
И след утратившие псы,
Скуля, повесили носы;
385 И ловчий, не весьма собой
Доволен, протрубил отбой.

Я спрыгнул наземь. И у ног
Моих тотчас возник щенок* —
Пристал, должно быть, к своре, чтоб
390 Побегать вволю средь чащоб.
И, словно был давно знаком
Со мной, проворным языком
Подставленную тронул пясть,
Схватил ее игриво в пасть
395 И дернул бережно, маня
Куда-то в сторону меня.
Щенку вослед я пошагал
И вскоре вышел на прогал —
Нетронутый, лишенный троп,
400 Не знавший человеческих стоп,
Густой травой поросший сплошь
И дивными цветами тож.

Клянусь: и Флора, и Зефир,
Ниспосылающие в мир
405 Цветы, и злаки, и былье,
Незримое себе жильё
Устроили, наверно, там —
Небесным, неземным цветам
Соревнователи росли
410 В укромном уголке земли!
Забылась лютая зима,
Забылись лед, и снег, и тьма,
Забылся яростный мороз —
И, влагой теплых майских рос
415 Питаясь, расцвела поляна...

А сколь свежа, сколь первозданна,
Блюдя законы естества,
Была древесная листва!
Все деревья стояли врозь,
420 Ни корня с корнем не срослось;
Стволы, от комлей до вершин,
Стремилась на сто ввысь аршин;
Нигде ни ветви, ни сука
Не зрилось на стволах — пока,
425 Просветов начисто лишен,
Не начинался полог крон,

Бросавший вниз густую тень...
Промчалась лань, за ней олень,
Потом косуля, после — серна...
430 Ей-ей, клянусь, глаголю верно!
Скакали белки наверху,
Роняли наземь шелуху,
Орехи весело грызя...
Короче, перечесть нельзя
435 Весь тамошний лесной народ:
Истер бы лучший счетовод,
Цифирных корифей наук,
Вотще гусиных перьев пук
О множество телячьих кож* —
440 Как ни слагай и как ни множь,
Исчислишь в том краю скорей
Песчинки, нежели зверей.

Мы снова со щенком вперед
Неспешно двинулись; и вот
445 Возник неожиданно предо мной
К дубовому стволу спиной
Сидевший скорбный человек.
«И кто же, — мысленно я рек, —
Скорбить ушел в лесную глушь,
450 Беря пример высоких душ?»

Поняв по благородству черт,
Что рыцарь это, а не смерд,
Был неизвестному готов
Не боле двадцати годов
455 И четырех, пожалуй, дать я;
О блеске рыцарского платья
Упомянул бы дальше — но,
Как уголь, бысть оно черно.
Я — право, не опаски ради —
460 Приблизился незримо сзади,
Ступая лишь на влажный мох.
И вот, издав тягчайший вздох,
Бедняга скорбь излил в стихах...
Должно быть, он страдал и чах
465 Неимоверно — ибо плоть
Любую мог бы обороть
Избыток пережитой муки,
О коем возвещали звуки
Бесхитростных и ясных слов,
470 Изысканных и сложных строф.
Нет! Жить слагатель сих баллад
И песен вовсе не был рад —
Какое горе в них кричало!
Одной лишь повторю начало:

«О безучастный древостой,

Внимай отчаянной, пустой,

Бесцельной жалобе! О рок,

Услышь заслуженный упрек:

Зачем ты сокрушил пятой,

480 Сокрыл могильною плитой

Мою любовь? О, почему

За ней, во гробовую тьму,

Ты не ведешь меня, о смерть?

Увы, я брошен, как в тюрьму,

485 В постылой жизни кутерьму,

В сует никчемных круговерть...»

И отливала от лица

Вся кровь у скорбного певца,

Чье сердце облекалось в лед

490 Под гнетом горшей из невзгод.

Коль сердце страдает, наше тело

Томится тяжело и всецело.

И кровь, прервав привычный ток,

Стремится к сердцу, чтоб чуток

495 Тепла принести ему назад

И губительный умерить хлад.

Любая жила, всяк сосуд

Лишь сердцу кровь тогда несут.
И смолк несчастный — бел как мел.

500 И я предстать ему посмел
И поклонился. Но поклон
Оставил без ответа он.
Глаза в отчаянье смежив,
Бедняга был ни мертв ни жив.
505 Наверное, гадал вотще:
Как жить — и жить ли вообще?
Его ладони, как тиски,
Сдавили впалые виски,
Где прежь положенных годин
510 Белела изморозь седин.
Казалось, он и слеп, и глух,
И мнилось, разум в нем потух,
Потоплен в глубочайшем горе...

Но, к счастью, он очнулся вскоре,
515 От бытия не отрешен.
Я вновь откинул капюшон,
И в этот раз на мой поклон
Учтиво и негромко он
Изрек: «Простите, сударь, — ведь
520 Ни слышать вас не мог, ни зреть,
Раздумьем горестным убит».

«О что вы! Никаких обид, —
Я рек. — Меня простите: шум
Я учинил, наверно, дум
525 Теченье ваших оборвав». —

«Знать, у обоих кроток нрав,
Коль, обоюдно смущены,
Винимся, — рек он, — без вины».

Любезный, ласковый глагол!
530 Казалось, рыцарь вдруг обрел
Покой — коликой* доброты
Исполнились его черты!
Я счел за истинную честь
Знакомство новое завести —
535 Но речь завел издалика,
Уважив горе бедняка,
Что не вотще и неспроста
Бежал в безлюдные места:

«И впрямь досадно, сударь! Что-то
540 Не задалась у нас охота:
Бесследно скрылся красный зверь!»

И рыцарь молвил: «О, теперь
Забав охотничьих я чужд!»

«Видать, — я рек, — и бед, и нужд
545 Возлег на вас тягчайший гнет...
Почто же в дебри вас влечет?
О, гнет, как вижу, наивящ!
Но друга средь глушайших чащ
Вы нынче встретили — и боль
550 Излейте вслух — а я, насколько
Сумею, разделю избыток
Любых душевных ваших пыток.
И довод подыщу любой,
Чтоб вы негнулись пред судьбой, —
555 Быть может, разговор в тиши
Подмогой станет для души,
Изведавшей, что значит ад».

И рыцарь взвел померкший взгляд,
Моливший: «Нет! Оставь! Не трожь!..»
560 А после рек негромко: «Что ж...
Спасибо, друг! Но ты едва ль
Умеришь скорбь, смиришь печаль,
Задушишь вопль моей тоски,
Разъявшей душу на куски!
565 Я для скорбей рожден и мук —
А сердце длит постылый стук!
Ни стих Овидиев могучий,

Ни звон Орфеевых созвучий
Не развлекают. Марциал*
570 Тоски моей не разогнал.
Меня, увы, не исцелят
Ни Эскулап, ни Гиппократ.
Я ныне жизнь влачить навыв,
Как иго — изнуренный бык.
575 И прирожденный лишь палач
Не вздрогнет, мой подслушав плач.
Где б радость в мире ни жила —
Смерть пепелит ее дотла;
И ненавижу ныне я
580 Всяк день земного бытия.
Я все бы отдал — а взамен
Желал бы обратиться в тлен.
Кончина! Лучшее из благ!
Да только Смерть, мой лютый враг,
585 Мольбе усердной вопреки
Подать не хочет мне руки —
А я давно б ее пожал!
О, где вы, язва, иль кинжал,
Иль честный меч, иль подлый яд?
590 О, Смерть, отрада из отрад!
И кто же, внемля этот стон
И зная, чем он порожден,

Не сжалился бы? Средь людей
Обрящется ль такой злодей?

595 Проказник, ёрник, баловник
Сникают, глянувши в мой лик:
Аз есмь тоска, тоска есть аз.

А почему — скажу сейчас.

Что песней было — стало пеней.

600 Смирен я стал — а был надменной
Наинадменнейших вельмож...

Коню подчас втыкает нож

Для вящей прыти всадник в круп —

Вот так и в мой бродячий труп,

605 Скорбей и горестей комок,

Рука незримая клинок

Вонзает, к жизни вспять гоня,

Как непокорного коня!

Угас мой пыл, увял мой мозг;

610 Я сталью был — а стал как воск;

Мой сон пропал, мой смех умолк.

Я львом рыкал — а днесь, как волк,

Стремлю тоскливый к небу вой,

Удел оплакивая свой!

615 Но Смерть со мной не хочет встречи —

Ни на турнире, ни средь сечи.

Я счастлив был — да не к добру
С Фортуной в шахматы игру
Затеять накатила блажь...

620 Возьмешь фигуру — две отдашь:
Везенья и удачи мать
Вельми горазда плутовать.
У ведьмы столь прелестный вид,
Не чаешь от нее обид!

625 И глядь — нарвался на гамбит*:
Поверил, принял — и разбит.
Фортуна с нежностью в очах
Противоправный даст вам шах.
Не верь злодейке ни на грош:

630 Фортуна — что с нее возьмешь!
О сколь сулит она всегда —
Но лжет без меры и стыда.
Предружелюбно подмигнуть —
И зыркнуть, нагоняя жуть:

635 Единственный ее закон!
Фортуна — тот же скорпион!
О лицемерный, льстивый гад:
Он изогнется, точно рад
Служить немедля и немало, —

640 И сей же час вонзает жало.
Но, правду молвить, лик пригож

Фортуны — ей же имя Ложь,
Когда во каверзной красе
Летит, восстав на колесе,
645 Что давит смертных за столом
Игорным — впрочем, поделом!
Суля богатство и почет,
Мерзавка нас в игру влечет —
И сколь негодница мила!
650 И два у колеса крыла...
Мой милостивый государь,
Что сотворила эта тварь!
Бесперерывно слезы лью
С тех пор, как сел за тавлею
655 С Фортуной! Вымолвить нельзя:
Обманом забрала ферзя —
А я, дурак, разинув рот,
Глядел, как тварь ферзя берет!
Рекла Фортуна: «Шах и мат».
660 И хмыкнула: «Сам виноват».
А дан был мат — заблудшей пешкой...
С Фортуной — не зевай, не мешкай:
Ей проиграл бы сам Аттал,
Что шахматы изобретал!*

665 Я ж был невежда — не мастак
Атак, защит и контратак,

Создатель коих — Пифагор,
И после рек себе в укор:
«В игре уловкам несть числа —
670 А знал ты их, собрат осла?»
Но даже помощь ремесла
Навряд ли бы меня спасла:
Порою мат Фортуне даст
Игрок — но случай сей не част...
675 Постой! А велика ль вина
Фортуны? Худший, чем она,
Я сам бы учинил подвох,
Когда бы мог, — свидетель Бог.
О, будь я богом! Я бы ход
680 Взять повелел Фортуне тот
Назад — и, в нарушение правил,
Ферзя бы возвратить заставил,
Поскольку, друг мой, верь — не верь,
А горших я не знал потерь!

685 Злосчастный ход — сиречь зевок, —
И прежнему блаженству срок
Внезапно вышел. И остыл
Навеки мой давнишний пыл,
И пламень радости былой
690 Навек подернулся золой.

А Смерть нейдет меня постичь...
Я кличу Смерть — но тщетен клич.
Безмолвный звездный небосвод,
Ветров рыданья, ропот вод —
695 Коль остаюсь наедине,
Все умножает скорбь во мне,
И за слезой слеза течет,
И я слезам утратил счет.
Я сброшу твой несносный груз,
700 О, Жизнь, обуза из обуз!
Я не могу, понур и слаб,
Влачить его, как связень-раб,
Несчастнейший двуногий скот,
Что спину гнет и слезы льет,
705 Надежд лишившись и утех...
О, где мой пыл и где мой смех?
Я все утратил — все, что мог!
И жизни подведу итог,
Коль скоро к ней потерян вкус...»

710 И тут я молвил: «Даже трус
Последний властен без помех
Взять на душу подобный грех.
Но ты, мой друг? О нет, окстись!»

И рыцарь молчаглянул ввысь...
715 «Велению Божьему вразрез, —
Я рек, — подчас толкает бес
Издававшего боль утрат
К самоубийству. Но Сократ
Учил: противостань Фортуне!»

720 И друг мой рек: «Вотще и втуне...»

И тут я, каюсь, впал во гнев:
«Да пусть и сотню королев —
Прошу прощения, ферзей —
Ты проиграешь, ротозей!
725 Тебе ли рыцарская честь
Велит при этом в петлю лезть?
Ведь проклят будешь, как Медея*:
Она прикончила, радея
О мести, собственных детей,
730 Когда Язон расстался с ней.
Дидона быть могла умней*,
Когда навек уплыл Эней,
И не зажечь себе костер —
Ты столь же хочешь стать востер?
735 Не смог без Фисбы жить Пирам,

А Фисба — без Пирама*. Храм
Обрушил на себя Самсон,
Врагом коварным ослеплен*.
Но слыхано ль? Зевнуть ферзя —
740 И люто мучиться, грозя
Свести с постылой жизнью счеты?»

«О нет, не знаешь ничего ты, —
Промолвил рыцарь. — Здесь куда
Горчайшая стряслась беда».
745 Я рек: «Поведай — и пойму,
Когда, и как, и почему,
И что с тобою, друг, стряслось,
Коль нынче ты со счастьем врозь».
Ответил рыцарь: «На траву
750 Присядь: начну и не прерву
Рассказ — лишь обещаю мне
Внимать всецело и вполне».
Я молвил: «Да». Он молвил: «Крест
Лобзай, клянись: не надоест
755 Внимать сочувственно, доколь
Не смолкнет речь. Лобзай, изволь».
Я клятву дал охотно, сразу.

И рыцарь приступил к рассказу:
«О друг мой! С юношеских лет,

760 Когда приходит ум в расцвет
И мы способны им блеснуть,
Я мыслил, что усвоил суть
Любви: прекрасна и светла
Палящей страсти кабала!
765 Я дань исправно приносил
Земной любви, насколько сил
И рвенья доставало: бысть
В служенье дивная корысть.
И отличил меня Эрот,
770 И превознес. И я не год,
Не два Эроту был вассалом;
Я стал кремнем, Эрот — кресалом,
А женщины — прекрасный трут:
Воспламенить — недолог труд.

775 Я был усерден и упрям,
Охотясь на прелестных дам.
И много лет мой пыл не сяк
И я не попадал впросак —
А путь любви порой тернист...
780 Но я был молод — чистый лист,
На коем всякое стило
Чертило, что на ум взбрело
Писавшим. И моя ль вина,
Что плохи вышли письма?

785 Я путь Эротовых затей
Меж стольких жизненных путей
Избрал, познания презрев,
Но пылких познавая дев;
Любовь пьянила, как вино,
790 Я мнил: другого не дано!
Иной трудился, что пчела, —
Но лишь любовь меня влекла.
И нынче, надо мной глумясь,
Божок любви, коварства князь
795 Глаголет: „Пел, пока был юн?
Допелся? Ну, прощай, шалун...”
В те годы всеми, что ни день,
Во мне воспитывалась лень;
Поставить не могли ужель
800 Юнцу беспечнейшему цель
В делах и помыслах вседневных?
Лишь о принцессах и царевнах
Я мыслил, дерзостен и млад.
А мнили: отрок — сущий клад!

805 И я, любимец и герой
Всеобщий, как-то встретил рой
Прелестниц чудных... Кто, и как,
И где видал подобный зрак*,

Соцветие столь ясных лиц?
810 Хотелось, право, рухнуть ниц!
И чудилось: туда привел
Меня Господень произвол —
Но нет! Вела Фортуна, чьи
Заботы вылились в ручьи
815 Моих неукротимых слез!
И нынче вою, словно пес.

Меня сразила красота
Одной юницы: не чета
Никоей из своих товаров
820 Она была — сколь боле ярк
Июльский луч, полдневный свет,
Чем бледный блеск любых планет,
Луны и всех семи Плеяд,
Которые в ночи горят!
825 Юница кроткая сия
Не знала спеси — но, лия
Свет ослепительный округ,
Затмила напрочь всех подруг.
К любви небесной рубежу
830 Пришел я вдруг... Одно скажу,
Ей-ей, как верую в Христа! —
Я видел: вот она, мечта!

О, кто бы в ней сыскал изъян?
Лилейный лик, стройнейший стан
835 И голос — нежен, ласков, сладок...
Эрот, знаток моих повадок,
Не пожалел острейших стрел:
О, как нежданно я горел
Такой любовью, что навряд
840 На плотский походила глад!
И я восчувял в глубине
Сердечной: сколь же лучше мне

Слугою стать моей звезде,
Не мысля о любовной мзде,
845 Чем тешиться и ликовать,
С другой кидаясь на кровать!.. —
И рыцаря озноб сотряс. —

Она смеялась, пела, в пляс
Пускалась; шутку про запас
850 Держала — позабавить нас.
Она блистала, как алмаз,
Блистала — но не напоказ.
Такой служи — не измени,
Таких не знали искони.
855 Возьмусь ли, друг мой, описать
Власы ея за прядью прядь?
Да всякая ль казна богата
Подобным изобильем злата?
А очеса моей юницы!
860 О незабвенные зеницы!
Нешироко разнесены
И без малейшей косины,
Они всегда сияли так,
Что всякий дерзостный дурак —
865 Придворный фат, вельможный кметь —

Призыв готов был усмотреть
Во взоре этом — но потом
Стремился прочь, стыдом ведом:
Она была из тех натур,
870 Чей отрезвляющий прищур
Глаголет, как удар хлыста,
Хотя безмолвствуют уста,
Но чьи щадящие зрачки,
Расширясь, молвят: „Пустяки!“

875 Забудем! Повод больно глуп", —
И не слетит ни слова с губ,
И станет вновь она резва...

Нет, поточней сыщу слова:
Она со скукой во вражде
880 Всегда бывала и везде.
Но среди затей и меж забав —
О, сколь заноз, кольми* растрав
Оставила в мужских сердцах!
Кто сох по ней, кто сох и чах.
885 Ее ж сие не забавляло
И не тревожило нимало.
Бедняк никчемнейший скорей,
За тридевять уплыв морей,
Назвать бы смог ее женой,
890 Чем здешний государь иной!
О, сколь она чинила ран
Сердцам изысканных дворян,
И сколь вкушал простой народ
Ее забот, ее щедрот!

895 Лицо ее — точнее, лик...
Увы! И беден мой язык,

И скуден ум, и череду
Волшебных слов едва ль найду,
Едва ль создам ея портрет:

900 В английском слов достойных нет.

И скуден ум, и скорбен дух,
И вообще — возможно ль вслух
Живописать сию красу?

Но что сумею — донесу.

905 Лилейно-бел, точён и свеж,

И что ни день, ясней, чем прежде,
Был этот лик. Природа, мню,
Мужчинам ставя западню,
Блюла прелестную приманку
910 И ввечеру, и спозаранку.
Не пожалевшая труда,
Была Природа столь горда,
Создав юницу! И всемерно
Ее хранила — грех и скверна
915 Вседневно мчали прочь от ней,
Ища добычи поскромней:
Коль существо судьбой хранимо,
Любое зло проходит мимо.

А нежный ток ея речей!
920 О жизнь!.. О свет моих очей!
И дружелюбна, и умна,
Умела утешать она
И ободрять умела тож.
Совета ради всякий вхож
925 К юнице был: и князь, и паж —
Коль не впадал в любовный раж.
Она, премудрости сосуд,
Вершила в спорах правый суд,

Не обижая никого,
930 Мое земное божество,
Решеньем споров, ссор и свар,
И не страдал ни млад ни стар.
Она, совсем еще дитя,
Судила, никому не лстя,
935 Но приговор ее в закон
Не то что человек — дракон
Тотчас поставил бы себе
И не посмел пенять судьбе.

Святого бы могла привлечь
940 Округлость узких стройных плеч,
Нежнейший излучавших зной,
Блиставших снежной белизной;
И не было видать ключиц,
Что у иных видны девиц.
945 Наречь бы лебединой шею...
Да нет, пожалуй, не посмею,
Зане* сие звучит насмешкой.

Юницу звали Белоснежкой
Зело заслуженно: была
950 Чиста что снег, что снег бела.
Лепивши формы сих телес,

Природа лучший свой замес
Пускала в дело... Боже мой!
Припоминаю стан прямой,
955 Округлость персей*, пышность чресел* ...
И всяк влюбленный был невесел,
И собственные локти грызть
Желал, юницу взяв за кисть
И в гневном блеске дивных глаз
960 Прочтя немедленный отказ.

Но как она бывала рада
Играть, резвиться до упада!
Как некий светоч бысть она:
Другим дарила пламена,
965 А жар не убывал ничуть.

И как же не упомянуть
Изящество ея манер,
Благой дававшее пример!
Собрать бы вместе миллион
970 Учтивых дев и добрых жен —
Кольми бы сонм такой блистал!
Но даже там на пьедестал
Она взошла бы в небывалом
Собрании служить зеркалом.

- 975 Отнюдь не тешили меня
Игра, забава, болтовня,
Коль скоро не было вблизи
Юницы чудной. Разрази
Меня Господь, когда солгу:
- 980 В любом приятельском кругу
При ней немедля притихал
И ёрник всяк, и всяк нахал.
И для нее любой наглец
Терновый бы надел венец.
- 985 Не промолчу, не утаю:
Любовь и доброту свою
Стремилa дева вдаль и вширь,
Пеклась о ближних, как Эсфирь*.
И, в довершение всему,
- 990 Клянусь, дивились мы уму,
Настолько жаждавшему блага
Для прочих, что любой бедняга —
Скиталец, нищеврод, изгой —
Больной, голодный и нагой,
- 995 Просивший кроху, был стократ
Обласкан девой, точно брат:
Юница, зная силу зла,
Добру служила, как могла.

Добавлю, истину глася:

1000 Она жалела всех и вся.

И сострадала всем тольми* —

Ничуть не лгу, ничуть, пойми, —

Что мнилось: близ ея чела

Предвечной Истины крыла

1005 Незримо веют, ниспослать

Сбираясь деве благодать.

Но сколь она была скромна!

И, зная, какова цена

- Хвалам, числа которым несть,
1010 Печалилась, услышав лесть.
И право слово! Кто глупей
Льстеца, что липнет, как репей?
Его долой наверняка
Разумная стряхнет рука.
- 1015 Никто, убог иль сановит,
Не ведал от нее обид;
И всячески ее блюла
Судьба за добрые дела.
Иную хлебом не корми —
1020 Дозволь с безвинными людьми
Забавиться, что с мышью кот...
Она же лишь за изворот
И ложь велела скрыться с глаз
Тому, кто в хитростях погряз, —
1025 Но ни к татарам, ни к валахам,
Ни к туркам, понукаем страхом,
Не удирал негодник вскачь:
Не поджидал его палач.
Никто пред ней не падал в грязь,
1030 Надевши вретище*, винясь
И заклиная: „Пощади!“ —

Но всякий ведал: впереди
Не казнь, а краткая опала...

Зачем, Эрот, в меня попала
1035 Стрела твоя? Иль ты, юнец,
Нарочно близил мой конец?
Чинил расправу из расправ?
Любовью был я жив и здрав,
Любовью цел и невредим —

1040 Я, злополучный нелюдим,
Кому охота не в охоту!»

Я рек: «О друг! Пенять Эроту
Негоже — разумеешь сам:
Немного есть подобных дам».

1045 «Их вовсе нет!» — воскликнул он.
«А! — молвил я. — Тогда пардон!»
«Не смей! — он рек. — Не балагурь!» —
«Не смею. Но порывы бурь
Любовных нам пускают пыль
1050 В глаза: мы скверно видим — иль
Смыкаем полностью глаза!»

Ответил рыцарь: «Ни аза
Не понимаешь: мнили все,
Что нет ей равных во красе, —
1055 Но мы, влюбленные, чужим
Суждением не дорожим!
И будь Геракла* я мощней,
Нарцисса* краше — лишь о ней
Мечтал бы, ею взят в полон!
1060 О, будь моими Вавилон,
Афины, Карфаген и Рим,
И будь я там боготворим —

Все грады, купно с их казной,
Чтоб милую назвать женой,
1065 Я б отдал — и не плакал днесь...
О, будь я истинная смесь
Ахилла с Гектором* — героем,
О коем песнь поют, о коем
Из рода в род идет молва
1070 Тысячелетье или два —
Я сбросил бы долой доспех,
Поскольку воинских потех
Юница не любила, славой
Всемерно брезгуя кровавой.
1075 Я бредил девой... Бредил? Нет!
Любовь подобная — не бред,
Но просветляющий экстаз,
Объемлющий всецело нас —
И властелина, и холопа...

1080 А верностью лишь Пенелопа*
Юнице древле бысть равна
Да благородная жена
Лукреция* — коль говорит
О ней правдиво Ливий Тит*,
1085 Изобретательный квирит*,

В потомстве поднят^{ый} на щит...
Куда клонилась повесть бишь?

Эрот, коварнейший малыш!
Ты все дары свои до крох
1090 Забрал, застав меня врасплох!..
Я, встретив милую свою,
Был шалопаем, признаю, —
Проказлив, дерзок, неучен, —

И все ж немедля вышиб вон
1095 Свои привычные замашки!
Я не давал себе поблажки:
Желал жемчужине драгой
Достойным сделаться слугой.
И с нею врозь не мог провести
1100 И дня. Эрот замыслил месть:
Божку отнюдь не по нутру,
Коль ввечеру и поутру,
В служенье рыцарском ретив,
Лишь воздыхаешь, прекратив
1105 Забавы, иноку под стать.
На безответную взирать
Эроту неуютно страсть —
И он решил меня проклясть.
А я, к единственной влеком,
1110 Не мыслил боле ни о ком,
Опричь* нее... И сколько скорби!»

«Воспрянь, — ответил я, — не горби
Спины! Возможно повстречать
Любовь не меньшую опять!»

1115 «О нет! — он выдавил. — Прерви
Глаголы об иной любви,

Не меньшей! О, несносный вздор!
Предатель Трои, Антенор*,
Которого клеймил Гомер, —
1120 Подашь ли гнусный мне пример?
О, Ганелон, родня змее,
Костями Роланд и Оливье
Из-за тебя легли, подлец*, —
Изменник, ты ль мне образец?
1125 Юница! Дивная звезда...»

И я поспешно молвил: «Да,
Винюсь! Но ты в который раз
Ведешь по кругу свой рассказ!
Молю: поведай, в кою речь
1130 Признание первое облечь
Тебе случилось. Как излил
Юнице свой сердечный пыл?
Была ли счастлива она,
Сердита или смущена?
1135 Иль расскажи по крайней мере
Подробнее о своей потере».

«Поверь, — он рек, — о друг и брат:
Никто не знал таких утрат».

И, непонятливый простак,
1140 Я рек: «Вы разлучились? Так?
И чувства нежные иссякли
В твоей возлюбленной? Не так ли?»
Я вопрошал, как пустобай.

В ответ послышалось: «Внимай!
1145 Я чувства не знавал сильнее —
Но много, много долгих дней
О нем гласили, слов замест,

Лишь беглый взгляд иль быстрый жест.

Сколь медлил я, увы и ах:

1150 Страшился молвить второпях

Не то, не так, накликать гнев...

А ведь у благородных дев

Сердца нежнейшие в груди:

Речешь „люблю” — грозы не жди.

1155 Я стихотворец, но плохой* —

Над несусветной чепухой

Несметных юношеских строф

Был суд читательский суров.

Но я их часто напевал,

1160 Как сын Ламехов, Иувал*,

Открывший пенье. Правда, он

Куда был паче изощрен.

Брат Иувалов, Тувал-каин,

Первейшей кузницы хозяин*,

1165 Вдымая мерно звонкий млат

И низвергая, ритм и лад

Поведал Иувалу... Впредь

Потомки стройно стали петь.

А в Греции Орфея* чтут

1170 Создателем искусства. Тут

Приводят столько же имен,

Сколь есть народов и племен.
И наплодил я сотни од.
Вот первый, и не худший плод:

1175 „Любуюсь чудной красотой,
С восторгом думаю о той,
В ком вижу истый идеал,
Превыше всяческих похвал.
Я восхищен! И, сколь ни горд —
1180 А мысленно пред ней простерт!”

Суди же, совершенен ли
Мой первый опус... Дни текли,
И что ни час, то грустный вздох,
Печальный „ах” иль томный „ох” —
1185 И я не месяц и не год,
Опричь любви, не знал забот.
„Увы! — стонал я в страхе глупом. —
Коль не признаюсь, лягу трупом,
А коль признаюсь, то вопрос —
1190 Не рассержу ль ее всерьез?
Увы! Злосчастье как ни кинь!”

И был бы, мыслю, мне аминь:
Ужель возможно выжить нам,

Коль сердце рвется пополам?

1195 Но я решил: в такую плоть
Не стал бы вкладывать Господь
Безжалостных душевных черт
И нрав юницы милосерд.

И, уповая на Творца,

1200 Бледнея паче мертвеца,
Едва обуздывая дрожь,
Я выдавил признанье все ж.
А что сказал, того почти
Не помню, друг, — пойми, прости.

1205 Слова утрачивали связь,
Я рек бессмыслицу, боясь,
Боясь безмерно, что вот-вот
Юница даст мне укорот —
Признаний первых, как чумы

1210 Египетской, страшимся мы!

И я бледнел, и я краснел,
Язык не слушался, коснел,
Я говорил, уставясь в пол,
Что кающийся богомол

1215 Иль пойманный с поличным плут, —
О, несколько таких минут
Кого угодно долу гнут!

Но гордость, сей незримый кнут,
Меня стегала: „Что, не дюж?
1220 Так и не брался бы за гуж!”

Речей моих несвязных суть,
Коль ты любил когда-нибудь,
Уже заведомо ясна:
Молил я деву, чтоб она
1225 Благоволила с той години
В любимейшие паладины
Меня возвесть — и молвил: „Всюду
Вас прославлять вседневно буду;
От огорчений и тревог
1230 Оберегу, свидетель Бог,
Насколько смогу... В любой стране,
Всегда — при солнце, при луне,
В счастливый час и в тяжкий час,
Я стану мыслить лишь о вас!
1235 Не отвергайте сей обет!”

Но был суров ея ответ
И, как почудилось, жесток.
Надежды призрачной росток
Тотчас поник, увял, пожух,
1240 Мечты разбились в прах и пух.

Я мыслю, суть ея словес
Понятна сразу: наотрез
Рекла юница: „Нет и нет!”
...И, посрамленный сердцевед,
1245 Я горько плакал день-деньской,
Убит обидой и тоской.
Такой же испускала стон
Кассандра*, видя Илион
Разгромленным. Но мне бы втрое
1250 Любезней было сгинуть в Трое,
Чем слышать „нет” из милых уст!
И мнилось: мир отныне пуст.
Проклятия и пени множа,
Я выл, не покидая ложа,
1255 И слезы лил на простыню.
И сердце облачить в броню
Желал, несчастный сумасброд.

Влачились дни, промчался год,
И я осмелился опять
1260 Юнице нежной дать понять
Любовь мою. И поняла
Юница, что хочу не зла,
Но блага ей, что кровь свою
До капли за нее пролью

- 1265 И что, в признаниях не скор,
Я чести девичьей не вор,
И что никакого вреда
Не умышляю. И тогда
Мне огорчаться не случилось:
- 1270 Она сменила гнев на милость.
Обласкан девой и согрет —
Насколь дозволил этикет, —
Я перстень от нее приял,
А в перстне красовался лал!*
- 1275 Пристало спрашивать навряд,
Насколь я счастлив был и рад!
Господь свидетель, я воскрес
Душой и телом. До небес
Мечтами новыми взлетел,
- 1280 Благословляя свой удел.
О королева королев!
Случалось, я, не одолев
Стремленья спорить, — молод, брав, —
Перечил ей, и был не прав,
- 1285 Но все ж из-под ея опеки
Не вышел бы, клянусь, вовеки.

И сколь же мне была верна
В делах и помыслах она!

Раздоров чуждые и ссор,
1290 Светло и радостно с тех пор
Мы жили, зная, что вдвоем
Одну судьбу себе куем,
Что скорбь и радость пополам
Делить судили свыше нам
1295 И что на свете мало пар,
Обретших столь прекрасный дар...
А ныне — где предел кручине?»

«И где ж, — я рек, — юница ныне?»
И друг мой вновь окаменел.

1300 И ликом стал смертельно бел,
И рек: «Злосчастная стезя
Меня взманила... Не ферзя,
Но королеву отняла
Фортуна — вечная хула
1305 Злодейке! Повторяю: брат,
Никто не знал таких утрат —
Юница нежная мертва!»

Я выдавить сумел едва:
«О нет!» — Но друг мой рек: «О да!» —
1310 «Беда! — вздохнул я. — Ох беда...»

Но тут, под звонкий песий лай,
Явились, будто невзначай,
Ловцы, незримые дотоль.

И друг мой бедный, их король,
1315 Кому в игре не повезло,
Вельми учтиво и тепло
Сказал «прощай», вскочил в седло,
Нахмурил бледное чело

И во дворец помчал, домой,
1320 Дорогой краткой и прямой.

Двенадцать бил уже часов
Дворцовый гонг — и среди лесов
Был ясно внятн дальний звон...

И звоном этим пробужден,
1325 Я голову приподнял с тома,
Чья повесть вам уже знакома:

Об Алкионе, о Кеике
И боге, снов людских владыке
С мифических седых времен...

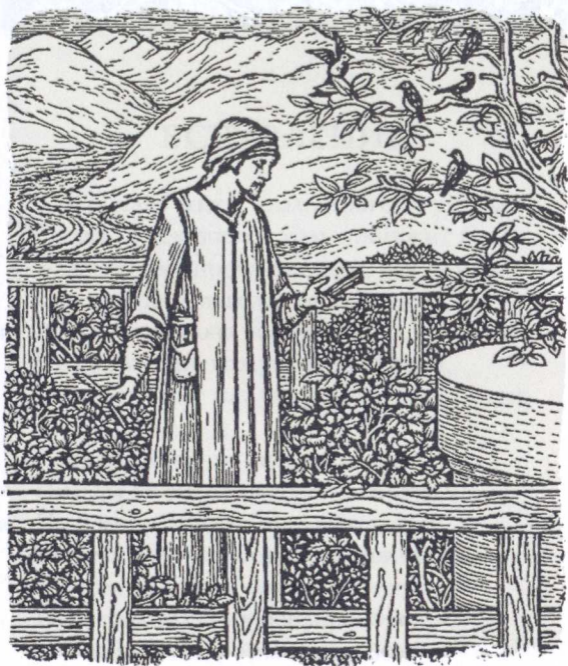
1330 И я подумал: «Странный сон!
Пора к чернилам и перу:
Неспешно рифмы подберу —
И о видении прочтут
Моем...» И нынче кончен труд.

Explicit the Voke of the Duchesse*.

* [Здесь] кончается Книга о Королеве (лат.).

ПТИЧИЙ ПАРЛАМЕНТ

ВСТУПЛЕНИЕ

Столь мало жить, столь многому учиться;
Столь тяжек опыт, столь приносит бед!
Блаженство, прочь летящее, как птица, —
Сие любовь, глаголет сердцевед;
5 И нам чинит она толикий вред,
Что, если снисхожу к ея проказам,
Не знаю, спит иль бодрствует мой разум.

Пускай любви не ведал я на деле
И мзды не видел за сердечный труд —
10 Но в книгах часто читывал доселе,
Кольми чудес любовных и причуд!
Господствует любовь и там и тут
И данников своих нещадно бьет —
Избави, Боже, от таких господ.

15 Читаю всякий день, из года в год,
Забавы ради либо для науки:
Полезное пристрастие; и вот
Недавно я раскрыл попавший в руки
Старинный том — и, верьте, не от скуки:
20 Прочсть о многом негде, право, кроме
Как в эдаком почтенном старом томе.

Зане со старых вспаханных полей
Мы с новым возвратимся урожаем;
А чтеньем книг старинных, ей-же-ей,
25 Мы новые познания умножаем...
Но к делу: время шло, и, дорожа им,
Я всё читал, надеясь до заката
Закончить изучение трактата.

Заглавье книги, коей поглощен
30 Я оказался не потехи ради,
Гласило: «Туллий*. Сципионов сон»;
А речь велась о небесах и аде,
Потусторонних каре и награде —
В семи пространных главах, коих суть
35 Вам излагаю, сократив чуть-чуть.

Сперва реклось, как прибыл Сципион*
Во Африку и встретил там царя

Союзного; как радовался он,
Учтиво с Масиниссой* говоря.

40 И опочил, когда зажглась заря;
И к Сципиону-внуку при луне
Дед, Африканец*, низошел во сне.

Засим реклось, как из надзвездной сферы
Тот показал потомку Карфаген;

45 И наказал во всем держаться меры,
И молвил: всякий, глуп иль вразумлен,

Кто себялюбю не сдался в плен,
Пребудет во счастливых куцах рая,
Блаженство бесконечное вкушая.

50 И внук спросил: в иные ли селенья
Уходим, отрешившись бранных тел?
И Африканец молвил: «Вне сомненья» —
И пояснил, что наш земной удел —
Кончины ждать; и лишь от наших дел
55 Зависит: быстро ль, медленно ль взойти
На небеса по горнему пути.

«Гляди, — промолвил, — сколь земля мала;
И небо сколь огромно, посмотри,
В котором сфера сферу обняла,
60 Одна другую заключа внутри;
И эти сферы, коих трижды три, —
Источник дивных музыкальных нот,
Что в мир земной гармонию несет».

Засим он рек: скитаясь в мире сиром,
65 Где человек злосчастнее скота,
Годится ль этим восторгаться миром?
Засим сказал: в грядущие лета
Свои первоначальные места

Займут светила — и погибнет, рек,
70 Все, что земной содеял человек.

Воскликнул Сципион: «Скажи теперь,
Какой тропой идти к блаженным высям?»
И молвил дед: «В бессмертие поверь;
И коль пребудешь прям, и независим,
75 И чужд повадкам волчьим либо лисьим —
Всенепременно вступишь, добрый муж,
В блаженную обитель чистых душ.

А воплощенья похоти и злобы,
Земную осквернявшие юдоль,
80 Всегда вокруг земли роятся, чтобы
Восчувствовать чистилищную боль;
И тягостно влачатся ввысь, доколь
Простится им любой минувший грех,
И небеса отверзнутся для всех».

85 День отблистал, и ниспустилась ночь,
Велящая заканчивать работу;
Впотьмах я отодвинул книгу прочь
И вящую восчувствовал дремоту —
Увы, не умудрившись ни на йоту:
90 О чем читал, о том давно уведал,
А что искал, того мне Туллий не дал.

Усталый духом, рухнул я на ложе;
И после утомительного дня
Покой пришел, и сон явился тоже,
95 И сновиденья увлекли меня;
И теми же доспехами звеня,
Что перед взором внука возблестели,
Встал Африканец близ моей постели.

Охотник утомленный ляжет спать —
100 И до рассвета вновь уходит в лес;

Кожевник спящий кожу мнет опять;
Судье приснится прибыльный процесс,
Солдату — враг с копьем наперевес;
Гуляке — бочка, полная вина;
105 Влюбленному... Влюбленным не до сна.

Не знаю, в том ли дело, что герою
При свете дня был отдан мой досуг,
Но Сципион пришел ночной порою
И молвил: «Ты читал прилежно, друг,
110 Сей древний том, издавший столько рук, —
Еще Макробий брал отсель цитаты, —
И за труды заслуживаешь платы!»

О Киферея!* К ласковой богине,
Дарующей сердцам любовный пыл,
115 К пославшей этот сон, — взываю ныне:
О ты, в полночной россыпи светил
Ярчайшая!* Придай поэту сил,
Дабы явить читателю вполне
Все то, что мне привиделось во сне!

ПОВЕСТВОВАНИЕ

- 120 Сей Африканец воспарил со мной
До врат высоких некоего парка,
Замшелой обнесенного стеной;
Врата двустворные венчала арка,
Там крупно были писаны и ярко
125 Стихов разноречивых два столбца;*
Вот суть их от начала до конца:

«Войдите, чтобы счастье увидеть,
Изведать радость без конца и края;
Войдите и вкусите благодать

130 В стране, где вечно длится свежесть мая,
Где нежность обитает неземная.
Ликуй, читающий, отринь печали,
Входи! Пристало медлить здесь едва ли!»

«Войдите же! — столбец соседний рек. —

135 Вошедших будет сечь нещадный хлыст!
В пределах этих горестных вовек
На древе не росли ни плод, ни лист.
Ручей, текущий семо, столь нечист,
Что гибнут в мутных водах даже рыбы.
140 О, только бегством вы спастись могли бы!»

Напечатленны были на вратах
Стихи сии златой и черной краской.
Один столбец грозил и множил страх,
Другой столбец манил с великой лаской.
145 Я полнился отвагой и опаской,
Не ведая, который путь избрать —
Вперед пуститься иль метнуться вспять.

Бруску железа меж магнитов двух,
По мощи равных, двинуться невмочь

150 Ни к одному из них. И мой испуг
И любопытство сделались точь-в-точь
Магнитами: тянуло в парк — и прочь
Бежать хотелось. Я томился, робок,
Но Сципион стоял со мной бок о бок,

155 И рек: «Ты сомневаешься, гляжу,
Вступать ли, нет ли в дивный сей мирок.
Не бойся, приближайся к рубежу:
Не о тебе глаголы этих строк* —
О тех лишь, кто Любви несет оброк.
160 В тебе ж, видать, к любви угасла тяга:
Так пищей брезгует больной бедняга.

Но коль тебя и впрямь покинул пыл,
То зрение по-прежнему с тобой;
И коль старик, лишившись прежних сил,
165 Ристалищной любитесь борьбой
И с полным знаньем дела судит бой,
То я тебе представлю, о поэт,
Достойный описания предмет».

Властительно мою он стиснул пясть,
170 И я вперед шагнул, с вожатым рядом,
Надеясь уцелеть, а не пропасть.

И парк явился раем, а не адом.

О, Боже! Пред моим счастливым взглядом

Повсюду возносились деревья,

175 Блестала изумрудно их листва.

Священный дуб, и крепкотелый бук,

И долголетний медноствольный тис,

Стрелку дарящий наилучший лук,

Державный кедр и скорбный кипарис...

180 И мачтовые сосны вознеслись

Вдали от вязов, ясеней, берез,
От лавров, пальм и виноградных лоз.

Я видел сад в обильнейшем цвету
Вблизи потока, на лугу зеленом,
185 И, овеяя эту красоту,
Ласкался ветер к разноцветным кронам;
А ток холодный мчал с хрустальным звоном,
И я узрел, склонившись над струей,
Как блещут красноперки чешуей.

190 На каждой ветви птицы щебетали*,
И думалось, что ангелы поют
В раю намного сладостней едва ли;
В сосновой хвое белкам был приют;
Я наблюдал, как кролики снуют,
195 Как прыгают косуля, серна, лань —
Кипела жизнь везде, куда ни глянь.

И струны лир звенели в дивный лад,
Мелодию лия в лесной чертог;
Нежнейшей музыке внимал навряд
200 И сам Создатель, Всемогущий Бог;
А ветерок — едва заметный вздох —
Зеленые листья перебирал,
Покуда птицы пели свой хорал.

И был настолько воздух местный здрав,
205 Что чужды были парку хлад и зной;
И силой тамошних целебных трав
Воспряли бы и старый, и больной;
И непрерывно свет сиял дневной:
Вовек не загорается закат
210 В краю, земного лучшем во сто крат.

При древе близ потока я узрел,
Как наш великий властелин Эрот
Кует и точит жала метких стрел,
А дочь его немедля их берет
215 И закаляет в лоне хладных вод,
Заклятьем отмеряя силу жал:
Чтоб ранили иль били наповал.

И Прелесть я увидел тот же час,
А с ней бок о бок — Суетность, и Спесь,
220 И Хитрость, обольщающую нас, —
Уродливую тварь, пороков смесь;
Толь далеко от них, замечу здесь,
Стояли неразлучною четой
Восторг Любовный рядом с Добротой!

225 Краса явилась, отрешившись риз,
И Юность в нежном цвете резвых лет;

А подле — Страсть, и Похоть, и Каприз,
А с ними — Ложь, и Сплетня, и Навет,
И трое тех, кому названья нет... *

230 Поодаль же предстал моим очам
На яшмовых столпах подъятый храм,

При коем нимфы учиняли пляски,
Разоблачась едва ль не догола:
Ничто, опричь набедренной повязки,
235 Не сокрывало стройные тела;

Вседневной эта служба их была.
И сотни голубей и горлиц белых
Свивали гнезда в храмовых приделах.

Уступчивость, разумная жена,
240 При входе в храм держала полсть* в руке;
А Кротость, неподвижна и бледна,
Смиренно восседала на песке,
Что грудую лежал невдалеке,
Но Изощренность близ нее, к несчастью,
245 Стояла и соседствовала с Властью.

О сколь же вздохов пламенных витало
Во храме, сколь их слышалось внутри!
Желанье их рождало и питало,
Огонь от них слетал на алтари;
250 Их издают и смерды, и цари,
Немилые богине: как ни кинь,
А числю Ревность худшей меж богинь.

Приапа видел я, когда вошел
Во храм; божок был окружен почетом
255 И выряжен, как в ночь, когда осел
Узрел его предерзостный...* Да что там! —
Он гордо скипетр устремлял к высотам.

Всяк возлагал, усердствуя зело,
Цветов гирлянды на его чело.

- 260 Нашла себе укромнейший альков
Киприда* со слугой своим, Достатком,
Что был весьма надмен, вельми суров,
Но благородства мечен отпечатком.
На ложе, в полутьме, в безделье кратком,
265 Ждала богиня, чтобы укатило
На дальний запад жаркое светило.

- Власы златые нитью золотой
Обвив, она покоилась на ложе,
И от чела до чресел наготой
270 Блистала, ноги укрывая все же
Ласкавшейся и ластившейся к коже
Тончайшею прозрачайшею тканью,
Что, право, не равнялась одеяною.

- Витал в алькове дивный аромат,
275 Хмельной Иакх беседовал с Помоной,
Богиней, истребляющею глад*;
Киприда же молодой чете влюбленной,
Рыдавшей и коленопреклоненной,
О милости молившей Афродиту,
280 Сулила нежно помощь и защиту.

И сломанные луки грешных дев —
Охотниц, прогневивших Артемиду*,
Висели на стенах; зане, презрев
Обеты, оставаясь только с виду
285 Невинными, жестокою обиду
Богине, повелевшей жить им чисто,
Чинили Аталанта и Каллисто*.

И роспись на стенах я различил*:
Дидону, Библис, Фисбу и Пирама*,

290 Изольду и Тристана*; там Троил
С Парисом*, дети дряхлого Приама,
Вблизи Елены* дерзостно и прямо
Стояли, разжигая гнев Ахилла...
Любили все — и всех судьба сгубила.

295 И снова я пошел зеленой чащей,
Бесцельный путь, как ранее, держа,
Дабы вкусить отрады наивящей.
И тамошних пределов госпожа
Предстала мне внезапно — толь* свежа,
300 Прекрасна толь, что возмогли б едва
Земные с ней равняться существа.

Усыпала цветами свой престол
Сия богиня чудная, Природа,
В чертоге, в коем был древесный ствол
305 Опорой густолиственного свода;
И я увидел там подобье схода:
Несметные и всяческие птицы
Слетелись внять велениям царицы.

Зане был День святого Валентина,
310 Когда пернатые вступают в брак;
Толь дивная открылась мне картина!

Лесной, речной, морской — явился всяк
Летун, и сборище кричало так,
Что дебри, мне почудилось, тряслись,
315 И мнилось, будто содрогалась высь.

Владычица — приветлива, проста,
Но также* горда и величава —
Велела всем занять свои места,
Блюда при том все требованья права;

320 И вся разноплеменная орава
Расселась чинно, как велит обычай
Рассесться в этот день ватаге птичьей.

Всех выше сели те, кто губит дичь;
Затем, на нижних ярусах ветвей, —
325 Те, кто не ловит живности опричь
Личинок, насекомых и червей;
Всех ниже — певчий дрозд и соловей;
А кто привержен семенам и зернам —
Замест* ветвей довольствовались дерном.

330 Я зрил орла, крылатого тирана,
Что устремляет к солнцу острый взор;
А рядом — белохвостого орлана,
Что близ морей гнездится и озер;
Там восседал и рыже-серый вор,
335 Тетеревятник дерзостный* сиречь,
От коего пристало кур беречь;

И сокол славный, и коварный кречет,
Привычные к запястьям королей;
И коршун, что на падаль взоры мечет,
340 Витая над просторами полей;
И горлинка, что многих птиц милей;

И лебедь, что поет в предсмертный час;
И филин, чей беду пророчит глас.

Там был журавль, велик и голенаст;
345 Была зарянка* и болтунья сойка,
Что крикнет — и охотника предаст;
Сова, чья пища — мышь и землеройка;
Хохлатый чибис, бегающий бойко,
И ласточка, что летом ловит мух,
350 И сельский вестник времени петух;

И гусь, который встарь квиритов спас*,
И отпрыск Афродиты, воробей*,
И перепел, и дятел, и бекас,
И вран*, глашатай смерти и скорбей,
355 И вяхирь, большой прочих голубей;
Фазан, жилец поречий и долин,
И пышнохвостый радужный павлин;

Кукушка, что не вьет вовеки гнезд,
И попугай, дитя иных земель;
360 И дрозд-рябинник; также пестрый дрозд;
И клест, кому тольми любезна ель;
Прожорливый баклан и коростель,
Отшельником живущий; и нырок...
Всех перечесть — не хватит сотни строк.

365 Одно лишь повторю: в орде крылатой
Всяк обладатель клюва и пера
Явился на поляну, что палатой
Богине служит; и пришла пора —
Зело сия традиция стара, —
370 Когда и царь пернатый, и пичуга
Должны избрать супругу иль супруга.

Но к делу: у Природы на запястье
Орлица восседала из орлиц,

Что даровать супружеское счастье
375 Могла бы самому владыке птиц;
Пред нею впору было рухнуть ниц:
Сама Природа, не смутясь нимало,
При всем собраньи в клюв ее лобзала.

Природа, коей все земные блага
380 В распоряженье Богом отданы —
И свет, и жар, и хлад, и сушь, и влага, —
Рекла среди наставшей тишины:
«Взыскующие мужа иль жены,
Внимайте мне! Я речь содею краткой,
385 Дабы никто не задремал украдкой.

В урочный день вы снова собрались —
Так было, есть и будет впредь вовеки, —
Чтоб, выбрав пару, с ней умчаться в высь;
Свободен выбор ваш, и только некий
390 Предмет моей особенной опеки —
Прекраснейшую меж пернатых дам —
Лишь лучшему из лучших я отдам.

А ястребиный царственный орел,
Превосходящий прочих, и весьма, —
395 Орел, что все достоинства обрел,

Какие властна дать лишь я сама,
Орел, чьи крылья не слабей ума,
Орел, гордится коим птичья рать, —
Подругу первым будет выбирать.

400 А после — остальным придет черед
Искать супруг среди своих племен;
Увы, никто не знает наперед,
Обласкан иль отвергнут будет он;

А кто любовью издавна пленен,
405 Дай бог тому взаимность обрести!
И хоть в особой сей орел чести,

Но все же, по давнишнему условию,
Коль претендент объявится иной,
А дама на него низзрит с любовью —
410 Счастливец назовет ее женой,
Будь он подорлик иль орел степной:
Я так постановила в оны годы,
И не могу стеснять ничьей свободы».

И кротко, точно крохотная птаха,
415 Изрек орел, склоняючи главу:
«Царицы ради, а не ради страха,
Рассудком здрав и мысля наяву,
Сию орлицу милой назову!
Внимать ея веленьям буду впредь;
420 Готов для ней и жить, и умереть.

Взываю к восхитительной невесте:
О, смилуйся, избавь от лютых мук!
А коль откажешь — то убей на месте.
Ужель речей моих никчемн звук?

425 Не постигаю, как сердечный стук
Досель не сокрушил моей груди.
О дивная, взываю: пощади!

А если горем по моей вине
Исполнится безгрешный сей сосуд
430 Иль новая любовь придет ко мне,
Молю: свершите надо мною суд —
Пусть голову мне клювами снесут!

Да только не настать такому дню:
Ее ль обижу, ей ли изменю?

435 Как я люблю, едва ли кто любил;
Но не любви прошу, а снисхожденья
У дамы — ибо ей навряд ли мил.
И столь цепей любовных прочны звенья,
Что стану близ любимой словно тень я
440 Летать, любви служа везде и всюду.
Я все сказал и ждать решенья буду».

И, точно роза свежая, когда
Ее окатит солнце знойным светом,
Орлица покраснелась от стыда
445 При словоизлияньи пылком этом;
Она смущенно мешкала с ответом;
Природа же рекла: «Не бойся, дочь,
Поскольку я берусь тебе помочь».

Другой орел, помельче, рек тотчас:
450 «Милейший, ты взывал к орлице даром;
Люблю ее сильнее во много раз —
По крайности, с никак не меньшим жаром —
И дольше ей служу... О друге старом

Задумайся, орлица: лишь один
455 И есть на свете верный паладин!

А если на жену примусь роптать
Иль худшим согрешу пред ней манером —
Да буду вздернут, как презренный тать!
И преданности ежели примером
460 Не послужу всем прочим кавалерам,
То все мое добро жене вручу —
Меня же пусть вручают палачу».

Вития* третий молвил первым двум:
«Положимте скорей предел раздору,
465 Поскольку гневный все подьемлют шум
И всем потребна пара в эту пору.
Природа внемлет яростному хору
И просит, чтобы речи мы скончали...
Но коль смолчу — скончаюсь от печали.

470 Нимало не горжусь я службой давней,
Но дольше всех любовью был томим
И зрил заслугу вящую всегда в ней.
Всего полгода службы за другим —
А я терзался двадцать долгих зим.

475 Ужель награды более достоин
Не ветеран любви, а юный воин?

Я не кичусь, я движим не гордыней,
Ведь я доселе был не ко двору;
Но я бы стал опорой и твердыней
480 Орлице — утверждаю на миру! —
Служа лишь ей, доколе не умру.
Такая жизнь была б наверняка
Орлице и любезна, и легка».

Поверьте, не слыхал я отродясь —
485 Хотя, возможно, слыхивали предки, —
Чтоб о любви такая речь велась!
А доводы опять звучали с ветки:
Учтивы, искренни, разумны, метки...
С утра начавшись, длилась эта прях*,
490 Доколь зажглась на западе заря.

И грозно грянул гневный птичий гомон;
Листва с ветвей посыпалась окрест,
И каждый ствол, казалось, будет сломан.
«Эй, вы! — орали. — Как не надоест?
495 Уймись же, уважьте наш протест!
Ужель судья промолвит „нет” иль „да”,
Коль скоро доказательств — ни следа?»

И наконец кукушка, гусь и утка
«Кря-кря! — вскричали. — Га-га-га! Ку-ку!»
500 Я встрепенулся и подумал: «Ну-тка!»
«Реки!» — сказали птицы гусаку.
«Ох и придали веса пустяку, —
Он рек. — Я водоплавных представитель.
Меня судьей назначить не хотите ль?»

505 Рекла кукушка: «Погоди-ка, сват!
Тебя — да в судьи? Не бывать сему!

Я — насекомоядных депутат
И долг судейский на себя возьму.
Я успокою эту кутерьму!»

510 Но тут голубка молвила: «Постой!
Я птицей скромной числюсь и простой,

Ядущей зерна лишь да семена;
Бесхитростен мой ум, чиста душа —
И запросто заметить я вольна:

515 За дело принимайся не спеша,

Когда не смыслишь в деле ни шиша!
Иль нет, не принимайся вообще,
Чтоб не трудиться втуне и вотще.

Природа, внемля перепалке птиц,
520 Которой забавлялась вся поляна,
Промолвила: «Угомонитесь! Цыц!
Рядите без обиды и обмана,
От каждого и всяческого клана
Глашатая назначьте — без помех
525 Избранник ваш изложит мнение всех».

Одобрили предложенный устав.
И хищники пример явили враз:
Сапсана представителем избрав,
Ему рекли подробно свой наказ,
530 Но волю дали в построеньи фраз;
И он к богине прынул как стрела,
И выбор сей Природа приняла.

И молвил сокол: «В эдакой задаче
Бессилен разум — столь она трудна;
535 Не ведаю, кто любит наипаче,
Но всех троих любовь томит одна,
И доводы исчерпаны до дна.

И коль рассудим распрю без оглядки,
Навряд ли избежим орлиной схватки».

540 «О да!» — орлы воскликнули втроем.
«О нет! — невозмутимо рек сапсан. —
Мы не погибель вашу здесь куем
И не хотим кровавых видеть ран!
И пусть у всех троих немалый сан,
545 А надлежит прислушиваться вам
К судейским назидательным словам.

Внимайте! Из троих возьмет вельмож
Того орлица в свадебный полет,
Кто лучший, состоятельнейший тож,
550 И рыцарству надежнейший оплот,
И от знатнейших предков род ведет.
И коль орлица знает всех троих,
Пусть молвит, кто достойнейший жених».

И водоплавные столпились, чтоб
555 Оратора избрать. Поднялся гогот,
И каждый рек, раздувши важно зоб:
«Перечить гусю хищники не смогут —
Разумен гусь-от, важен-от, и строг-от,
И всей затее положил начало,
560 Пока впустую сборище кричало!»

И представитель водоплавных, гусь,
Прогоготал: «Немедля в одиночку
Я разрешить сомнения берусь,
Досадную окончить проволочку,
565 Умно поставить в этом деле точку:
Коль ты не люб невесте дорогой —
Махни крылом и сватайся к другой».

«Внимай прилежно гусю, птичий стан! —
Воскликнул ястреб. — Гусь умен вельми!

570 Ужель ты промолчать не мог, болван?
Утихни, водоплавных не срами.
Иль полагаешь, будто ты семи
Пядей во лбу? Не сказано ль: дурак
И до хлопот охотник, и до врак».

575 И под всеобщий хохот гусь умолк;
И зерноядных выступил глашатай,
В делах любовных понимавший толк,
Служитель чести, а не соглядатай —
Достойный голубь. И к орде пернатой
580 Он обратился скромно и учтиво
И речь повел разумную на диво:

«Любить, как молвит гусь, — избави боже;
Негоже прочь бежать от госпожи.
Чем дама неприступнее и строже,
585 Тем паче, вопреки гусиной лжи,
Покуда жив, избраннице служи!
А если смерть придет сначала к ней,
Ушедшую люби еще сильнее».

«Ого! — промолвил огарь*. — Экий шут!
590 Ни смысла я не вижу, ни причины
Туда стучаться, где тебя не ждут.

Запляшешь ли, понурясь от кручины?
Любить — и безнадежно ждать кончины?
О, в небе, — он изрек, задравши хвост, —
595 Не две звезды, а много-много звезд!»

«Какая сволочь! — сокол произнес. —
Какой плебейский, низменный совет!
Ты б лучше с клюва отряхнул навоз!
Любовь тебе — что совам яркий свет:

600 Во мраке зрят они, при свете — нет.
Молчать и не судить любовь ничью
Безмозглому пристало мужичью».

Кукушку отрядили говорить
Ядущие букашек и личинок,
605 И та рекла: «Довольно! Явим прить!
А всяк любитель споров и заминок
Безбрачным да пребудет, яко инок.
Безбрачие — не горшее из зол.
Сей речи не вносите в протокол».

610 «Проголодалась? — кречет крикнул. — Да,
У воробьев кормилась ты не худо,
Когда птенцов извергла из гнезда,
В котором ты проклюнулась*, паскуда!
Исчадие кукушечьего блуда,
615 Сама давай безбрачия обет!
Проваливай, ищи себе обед!»

Природа строго молвила: «К порядку!
Вы утомили нынче и меня,
Вотще за неполадкой неполадку
620 Прилежно и предерзостно чиня.

Постыла мне бесцельная возня.
И чтобы вам не препираться яро,
Сама орлица скажет, кто ей пара.

Ужели нам видней со стороны?
625 Сапсан подметил верно и умно:
В любви своей орлы вполне равны.
И посему орлице мной дано
Из любящих столь крепко и давно

Избрать кого захочется в мужа —
630 Пути другого не предвижу я;

Но коль уместно, я б совет дала
Орлице: мысли, как тебе угодней,
А мой любимец — образец орла!
И не сочти меня лукавой сводней —
635 Он и достойней всех, и благородней;
Ужель иной и вящий повод нужен
К соединенью двух моих жемчужин?»

Смиренно молвила в ответ орлица:
«Владычица, богиня Естества!
640 Посмею ли тебе не подчиниться?
Всечасно, как другие существа,
Покорствую тебе, пока жива;
И посему дозволь поведать смело
Решенье, что в душе моей созрело».

645 «Реки», — она услышала; и мигом
Рекла, как будто сбросив некий гнет:
«Владычица, дозволь мне брачным игом
Отнюдь не отягчаться в этот год;
Чрез год себе супруга изберет
650 Жемчужина твоя и твой алмаз;
И в этом весь мой всепокорный сказ.

Служить Эроту либо Афродите
Я, право, не намерена пока».

«Тогда и споров больше не ведите, —
655 Рекла Природа, — ибо всех тоска
От них уже взяла наверняка.
А остальным велю: вступайте в брак,
Покуда не настал вечерний мрак.

А вы, — троим орлам рекла Природа, —
660 Служите, как в былые времена;

Утешьтесь: должно ждать не дольше года.
Служите, ибо награжу сполна
Достойнейшего: целый год она
Свободна будет, но потом, как мать,
665 Ей прикажу избранника назвать».

И долгожданный наступил конец
Никчемным препирательствам и ссорам;
Настало время любящих сердец,
Нежнейшего согласия, в котором
670 Нет места ни упрекам, ни укорам.
И славил на деревьях и кустах
Премудрую Природу всякий птах.

А те, кто слаще всех выводит трель,
Пропели, как ведется испокон,
675 Владычице хвалебную рондель*,
Покуда гас вечерний небосклон,
Алевший сквозь листву древесных крон.
Французским был изысканный мотив,
И привожу слова, не сократив:

680 *Qui bien aime a tard oublie**.
О лето, праздник светлого тепла,
Сколь ты любезно после зимних вьюг!
Сколь радостно и зелено вокруг!

И даже в вышних внятна и мила

685 Святому Валентину трель пичуг:

О лето, праздник светлого тепла,

Сколь ты любезно после зимних вьюг!

Любая птица нынче ожила,

Супругу тешит щебетом супруг;

690 И на рассвете слышат лес и луг:

О лето, праздник светлого тепла,

Сколь ты любезно после зимних вьюг!

Сколь радостно и зелено вокруг!

И, песнь окончив, с криками взвилось
695 Собрание птиц и улетело прочь.
И я проснулся. И берусь насквозь
За томом том читать и день и ночь;
И книги не преминут мне помочь
О чем-нибудь ином поведать краше,
700 И сызнова привлечь внимание ваше.

Explicit tractatus de congregatione Volucrum
die sancti Valentini*.

* [Здесь] кончается трактат о собрании Пернатых
в День святого Валентина (лат.).

КОММЕНТАРИИ

Любимец муз и королей

Так жили поэты.
Александр Блок

Довольно долго имени Джеффри Чосера (Geoffrey Chaucer) сопутствовали вполне определенные даты рождения и смерти: 1340—1400. Запоминались эти цифры очень легко, и назвавший их студент-филолог мог рассчитывать на заслуженную экзаменационную пятерку. Впоследствии дату рождения стал сопровождать осторожный вопросительный знак. Изданная в 1973 году Оксфордская антология английской литературы* указывает: «Ок. 1343—1400». А один из новейших источников, Кембриджский путеводитель по английской литературе**, сообщает: «Ранее 1346—1400».

* The Oxford Anthology of English Literature. N. Y., London, Toronto: Oxford University Press, Inc, 1973. Vol. I, p. 119.

** The Cambridge Guide to Literature in English, by Ian Ousby. Cambridge University Press, 1995. P. 168.

С великими и просто выдающимися поэтами и писателями прошлых веков такое приключалось нередко. О смерти уже прославившегося творца узнавали все просвещенные соплеменники, а зачастую и чужестранцы, но если будущая знаменитость появлялась на свет Божий под не слишком блистательным или не особо приметным кровом, то день этого появления оставался в античные времена памятен лишь самим родителям, а в средние века и эпоху Ренессанса — родителям и священнику, пополнявшему приходские списки соответствующей отметкой.

Родители умирали, священники тоже, приходские списки могли со временем затеряться или погибнуть, метрик и паспортов еще не изобрели, а потому, коль скоро именитый автор не сообщал о своем возрасте направо и налево, окружающие постепенно забывали год его рождения и тот маячил в тумане минувшего довольно смутно.

Кажется, последним по-настоящему крупным европейским писателем, которого постигла подобная участь, оказался поляк Болеслав Прус (1847?—1912), автор «Фараона» и «Куклы»*.

Ни в стихах, ни в прозе Джеффри Чосер не оставил никаких мало-мальски связных сведений о себе. Ученые-литературоведы складывали жизнеописание

* Ян Парандовский. Алхимия слова. М.: Прогресс, 1972. С. 74.

поэта, как мозаику, перебирая и сопоставляя современные Чосеру документы. И нужно сказать, к началу двадцать первого столетия накопилось достаточно подробностей.

Впервые имя Джеффри Чосера упоминается в расходной книге, ведшейся по распоряжению графини Ольстерской, Елизаветы де Берг (Elizabeth de Burgh), с 1356 до 1359 года включительно. В апреле 1357-го юноша (если по-прежнему считать годом рождения 1340-й) или двенадцатилетний отрок (если справедливы новейшие изыскания), числившийся пажом при графине и ее муже Лионеле (Lionel), которого одни источники именуют графом Ольстерским, а другие — принцем, получил от них «куцую куртку, а еще порты со штанинами красной и черной, а также башмаки».

В середине XIV века разноцветные штанины составляли отличительную черту моды. Согласно той же моде, носки башмаков наверняка были несуразно длинными и лихо загнутыми кверху — пажу графа (или принца) Лионеля надлежало носить обувь не худшие, чем у других порядочных людей.

Лионель, третий (по другим источникам, второй) сын короля Эдуарда III, сделался позднее герцогом Кларенсом, а еще позднее, будучи приговорен к смерти и спрошен, какую предпочитает казнь, изрек: «Утопите меня в винной бочке», — и захлебнулся выдержанной мальвазией...

Сколько времени провел юный Джеффри на этой службе, в точности неведомо.

Зато нетрудно понять, каким образом он очутился на ней.

Первые упоминания о семействе Чосеров относятся к XIII веку. Дед поэта уже считался преуспевающим виноторговцем, а отец, родившийся в один год с великим итальянцем Джованни Боккаччо (1313) и звавшийся Джоном Чосером, унаследовал торговлю и приумножил семейное достояние, сделавшись одним из влиятельных лондонских купцов. Ему подобные располагали немалыми богатствами, получали основательное по тем временам — да и по нынешним временам изрядное — образование, пользовались уважением, зачастую занимали довольно важные должности, короче, жили на весьма широкую ногу, и все же в глазах дворянства эти люди оставались простонародьем, оборотистыми, предпримчивыми выскочками.

Кое-кто яростно досадовал на подобное отношение. С течением времени по сельским дорогам Англии начали шнырять лолларды — своеобразные средневековые «интеллигенты-разночинцы», самозванные проповедники, предпринявшие «хождение в народ», хулившие аристократию и монашество на чем свет стоит, объедавшие и опивавшие доверчивых крестьян, кощунственно отпускавшие им грехи, побиравшиеся без зазрения совести и призы-

вавшие ко всеобщему равенству. Расстрига Джон Болл подытожил цели этого движения фразой: «Ничто не идет в Англии на лад, и не пойдет, пока все не содеется общим, и не будет ни смерда, ни барина, и не станем равны меж собою».

Во все века и времена проповедь повального равенства (идея которого коренится еще в стремлении Люцифера сравняться с Господом) означала одно: дать жестокий укорот любому и всякому, кто превознесся выше скотского уровня, и уничтожить любого и всякого, кто посмеет оному укороту сопротивляться. Витийство лоллардов окончилось в июне 1381 года мятежом Уота Тайлера (Wat Tyler), одним из кратчайших и кровавейших плебейских восстаний, подавленным столь решительно, что лютовать английские смерды и мещане закаялись лет на сто шестьдесят вперед.

(Заметим в скобках: народные заступники начинали, как водится, с уничтожения инородцев, с голландского погрома — уж больно мозолили глаза британскому охлосу преуспевавшие купцы и ремесленники, пересекшие Ла-Манш и осевшие в Англии.)

Мятеж и кровопролитие — один из нескольких возможных ответов на пресловутое неравенство. Между прочими есть и ответ, который способны дать лишь действительно хорошие, умные, одаренные выходцы из народа: подняться вровень с теми,

кто стоит выше, занять место, не положенное по праву рождения, но подобающее по справедливости.

Именно так и рассудил Чосер-отец, пославший сына учиться в школу при соборе Св. Павла. Затем перед юным Джеффри открылись два пути: либо поступить в университет — и, всего скорее, стать рукоположенным священником, что значило бы весьма и весьма немало, — либо сделаться пажом в благородном доме и продолжить образование в обществе изысканных, утонченных вельмож, обладавших изрядными познаниями в литературе, художестве, музыке, истории. Джон Чосер хорошенько подумал и отправил Джеффри по второму пути.

К умному и начитанному ребенку, отпрыску богатого горожанина, отнеслись очень благосклонно. Знакомства и связи, приобретенные Джеффри Чосером на службе у Лионеля и Елизаветы, принесли ему в грядущем огромную пользу, а обнаружившийся в том же грядущем поэтический дар позволил без труда оставаться на короткой ноге со знатнейшими дворянами до самой смерти.

Когда настал 1359 год, король Эдуард III затеял очередное вторжение во Францию и Чосер отправился туда с королевским войском. Уже были позади знаменитые битвы при Креси (1346) и Пуатье (1356), Столетняя война то притихала, то бушевала пуще прежнего. Где и как ратоборствовал Джеффри Чосер, неизвестно. Навряд ли он

сражался вообще, ибо стрелять из лука уроженец Лондона и купеческий сын почти наверняка не умел, пехотинцы тогда служили только при обозах, а для конного оруженосца, если исчислять возраст поэта с 1344—1345 годов, Чосер был еще млад и хрупок телесно. О рыцарском поясе и по-давно говорить не приходится.

До посвящения в рыцари Чосеру оставалось добрых двадцать семь лет...

Пожалуй, можно уверенно утверждать: юный Джеффри по-прежнему считался пажом Лионеля. Довольно скоро, при осаде Реймса, он угодил во французский плен, откуда Чосера и выкупили в марте 1360 года за шестнадцать фунтов стерлингов. Нынче на фунт английских стерлингов*, добавив немного мелочи, в Англии можно выпить двойную порцию (пятьдесят миллилитров) отличного рома «Капитан Морган». А в Средние века фунт именно фунту и равнялся: Джон Чосер (менее вероятно, что Лионель) уплатил удачливому французскому ратнику или рыцарю около семи с половиной килограммов чистого золота, и Джеффри Чосер получил свободу — почти одновременно

* *Sterling* означает *полновесный, чистый* применительно к золоту, серебру, платине, правде и людским достоинствам. *The pound sterling* буквально переводится как *фунт чистого* (золота и т. д.), а не как фунт несуществующих монет-стерлингов.

с королем Иоанном Французским, захваченным англичанами при Пуатье. Королевская свобода, надо полагать, обошлась несравненно дороже.

Безусловно, Лионель был очень высокого мнения о достоинствах и надежности своего паж, ибо, когда спустя шесть месяцев начались переговоры о перемирии, Чосер неоднократно доставлял по его просьбе секретную переписку из Кале в Англию.

О жизни Чосера между 1360 и 1367 годами ведомо среди прочего то, что в конце концов молодой человек поступил на государеву службу. Глупо думать, будто решающую роль играло здесь богатство Чосера-отца, ибо до привередливости взыскательная средневековая знать ни за какие деньги не дозволила бы сыну торговца — пускай даже весьма преуспевающего — спокойно восходить по ступенькам общественной лестницы: не деньги требовались, но ум и талант. И ума, и таланта Чосеру было даровано с избытком.

Джон Чосер скончался в 1366-м. Незадолго до этого Джеффри Чосер сочетался браком с Филиппой де Роэ (Philippa de Roet), дочерью фламандского рыцаря Паона де Роэ, состоявшей в свите королевы (тоже Филиппы). От этого брака родились два сына: Томас (1367) и Льюис (1380).

Около 1367-го могущественным покровителем Чосера — и, вероятно, добрым его другом — сделался Джон Гонтский (John of Gaunt), пятый (по дру-

гим источникам, третий) сын Эдуарда III, влиятельнейший вельможа. Состоя при королевской особе да еще имея подобного попечителя, Джеффри Чосер мог уже не опасаться за будущее.

В 1369—1370 годах Джон Гонтский двинулся походом на Северную Францию, и Чосер опять сопровождал английскую рать. В этот раз он, пожалуй, не всегда ограничивался ролью простого наблюдателя, но утверждать этого ни в коем случае нельзя — хотя бы потому, что без крайней, последней нужды настоящие поэты весьма и весьма неохотно поднимают оружие против ближнего.

А поэтом Чосер был уже полноправным и достаточно зрелым. После того как французская культура и французская речь господствовали на британской почве триста лет кряду, английский язык начинал — не без помощи Джеффри Чосера, Джона Гауэра (John Gower) и Вильяма Ленгленда (William Langland) — понемногу отвоевывать свои природные права. В 1367 году произошло историческое событие: король Эдуард III впервые обратился к парламенту по-английски.

С 1372 по 1377 год Чосер неоднократно посещал Италию, Францию и Фландрию, выполняя дипломатические поручения Эдуарда III. У генуэзцев он добился разрешения учредить английский торговый порт, а у флорентийцев испросил для короля немалый денежный заем.

Потом настал июнь 1377-го, Эдуард умер и на престол воссел десятилетний Ричард II, внук покойного государя, единственный уцелевший сын скончавшегося годом ранее Черного Принца.

Впрочем, и при Эдуарде III, и при Ричарде II, и при Генрихе IV поэт получал и должности, и почетные права, и жалованье, и винное довольствие. 20 июня 1367-го ему высочайше назначили пожизненное денежное содержание, составлявшее двадцать фунтов ежегодно, а около 1374-го вручили в долговременное владение каменный дом, причем королевская казна дозволила олдгейтскому обитателю Джеффри Чосеру пользоваться земельным участком и жилищем совершенно бесплатно. Чосер провел там не менее двенадцати лет.

В том же 1374-м Ричард самолично пожаловал Чосера ежедневным кувшином вина из королевских погребов, а Джон Гонтский — десятью фунтами ежегодной пенсии. Вдобавок поэта поставили таможенным надзирателем за вывозом шерсти, а также выделанных кож и невыделанных шкур. Английское овцеводство процветало как никогда, овечья шерсть и шкуры составляли чуть ли не основную статью государственного дохода. Понятно, что лондонский портовый надзиратель, ведавший этой торговлей, числился у короля человеком доверенным, испытанным и всецело надежным.

Полагаем, Чосер исполнял свои обязанности наилучшим образом, ибо четыре года спустя Ричард

подтвердил назначенное дедом двадцатифунтовое содержание и прибавил столько же от собственных щедрот. А еще через четыре года Чосера заново утвердили на месте портового надзирателя и дозволили выбрать себе помощника.

Однако в 1380-м приключилась неприятность, которая, по-видимому, стоила поэту немалых тревожений и страхов. Джеффри Чосера обвинили ни много ни мало в том, что он якобы похитил и обесчестил (*raptus*) некую Сесили Шампэнь (*Cecily Champaen* или *Champaigne*). Обвинение серьезное как по нынешним, так и по тогдашним временам и ничего доброго преступнику не сулящее.

Воспоследовало судебное разбирательство. По счастью, Сесили Шампэнь оказалась разумной особой, не склонной к лишним измышлениям. Она подписала документ, свидетельствующий: ни к похищению, ни к чему-либо иному господин портовый надзиратель ни малейшего касательства не имел. Но душевная встряска Чосеру выпала, конечно, изрядная.

Мать Чосера, вскоре после кончины отца сочетавшаяся новым браком и звавшаяся по мужу Агнессой Коптон (*Agnes Copton*), умерла в 1381-м. Немного времени спустя, летом, вездесущие лолларды исхитрились-таки подстрекнуть английский плебс к мятежу.

По словам английского историка А. Л. Мортонна (заядлого марксиста, члена Британской коммунист-

тической партии, отнюдь не склонного «клеветать» на плебс), «восстание 1381-го было устроено людьми, уже в известной степени завоевавшими себе свободу и благосостояние, но требовавшими большего»*.

Возглавляемые Уотом Тайлером, крестьяне и ремесленники двинулись на Кентербери, прикончили тамошнего архиепископа и растерзали шерифа, совершая попутно великое множество менее памятных, но весьма впечатляющих зверств.

Дабы вполне оценить размах «народного подвига», вспомним: Кентербери был местом ежегодного паломничества, одной из английских — да и заморских тоже — святынь. Десятки тысяч пилигримов отправлялись по весне поклониться чудотворным мощам святого Фомы Бекета (St. Thomas à Becket) — тоже кентерберийского архиепископа, тоже убитого прямо в храме, только не столь варварски, людьми Генриха II.

По другим источникам, злополучный архиепископ искал убежища в лондонском Тауэре, откуда крестьяне, добравшись до столицы, выволокли его и обезглавили.

Достигнув Лондона, мятежники учинили неистовый разгром. Хроники сообщают, что для начала

* A People's History of England by A. L. Morton. L.: Lawrence & Wishart Ltd, 1984. P. 121—122.

растерзали еще сто пятьдесят иностранцев, независимо от того, были несчастные голландцами или нет. Правда, вышеупомянутый Мортон резонно замечает: всего скорее избиением пришлецов занялись не крестьяне, а безродные лондонские обыватели, воспользовавшиеся удобным случаем. О количестве убитых мятежниками англичан судить затруднительно, смело предположим: оно было большим.

Доподлинно известно: жилище Джона Гонтского, среди несчетных прочих, разграбили, не оставив ни одеяла, ни полотенца, ни кубка, и затем подожгли. Владелец дома успел скрыться и уцелел.

Как обошлись крестьяне с домом Джеффри Чосера, в точности неизвестно, но едва ли разбушевавшиеся герои обделили вниманием обитель столь важной шишки — таможенного надзирателя, бывшего довольно близким другом ненавистному королевскому дядюшке Джону Гонтскому.

Потом вожак восставших Уот Тайлер потребовал встречи с четырнадцатилетним государем, только что женившимся на Анне Богемской. Встреча состоялась. Предводитель эссекских головорезов повел себя настоль разнузданно и нагло, что долго крепившийся и скрипевший зубами лондонский лорд-мэр не выдержал. На смачный плевок, направленный под ноги королю Ричарду, лорд-мэр ответил добрым ударом клинка. Тайлер повалился мертвым.

По иным свидетельствам, находившийся в свите короля уроженец графства Кент воскликнул: «Да это же знаменитый воруга и живодер из моих краев!» Осерчавший Тайлер кинулся на невежу с ножом и был немедля зарублен.

Ричард II обратился к мятежникам и произнес: «Ваш предводитель погиб. Ступайте со мной, ибо ваш предводитель — я».

Но чтобы окончательно смирить распоясавшихся уголовников, чьи ропщущие банды разбрелись по английским градам и весям, потребовались не только исторические слова, но и весьма суровые действия.

Через четыре или пять лет Чосер оставил почетную таможенную службу и поселился в графстве Кент, на недолгое время сделавшись мировым судьей. В 1386-м поэта посвятили в рыцари графства (knight of the shire) и выбрали парламентским представителем. Неизвестно, сколь удачно исполнял Чосер эту новую обязанность, ибо заседание 1386 года оказалось для него первым и последним. То ли поэта не пожелали переизбрать на следующий срок, то ли сам он почуял, что политическое витийство не по нем — остается лишь догадываться.

Возможно, уже болела жена, скончавшаяся годом позже, и Чосеру попросту было не до парламентских прений.

Не исключаем также, что одной из причин оказалась утрата Ричардом нераздельной, истинной власти. Несколько вельмож навязали себя юному венценосцу в качестве личных советников и, по сути, начали заправлять Англией самостоятельно. Многим прежним государевым любимцам приходилось тогда несладко. Несколько человек, на которых король особо полагался, лишились голов. Среди казненных был и Томас Эск (Thomas Usk), поэт, преклонявшийся перед Чосером и подражавший ему.

Все же три года спустя (1389) Ричард II достиг вожделенного совершеннолетия, указал Глостеру и его приспешникам на дверь и воцарился вновь. Государь немедленно назначил Джеффри Чосера смотрителем королевских строительных работ (Clerk of the King's Works), каковую обязанность поэт исправно исполнял до 1391 года включительно.

Работа выпала хлопотная и тревожная. Чосер отвечал теперь за надлежащую исправность и сохранность королевских резиденций, а было их равным счетом десять. На его плечи ложилось обустройство ристалищ во время рыцарских турниров, починка и возведение стен, а также рытье и очистка сточных канав по берегу Темзы — на весьма протяженном приречном участке меж Вулиджем и Гринвичем.

Должности подобного рода оставляют человеку более нежели скудный досуг. Доводилось присмат-

ривать за работами, составлять нескончаемые отчеты, перечни, требования, принимать расписки, зорко следить за подчиненными и рабочими, покупать, перевозить и размещать по складам необходимые припасы. И непрерывно разъезжать по служебным надобностям. Для поэта подобный образ жизни губителен.

Очень скоро Чосера подстерегли на дороге и ограбили. Взяли разбойники весьма изрядно: лошадь, имущество и деньги — двадцать фунтов шесть шиллингов и восемь пенсов. Случилось это в лесистом Суррее.

Правда, разбойников поймали, судили и, по всей вероятности, повесили, но убыток в размере, превышавшем одно из назначенных ежегодных содержаний, Чосеру этим не возместили.

Через год приключилось новое ограбление (или два — судебные документы гласят по-разному). На этот раз Джеффри Чосер лишился девятнадцати фунтов сорока трех пенсов.

Терпение поэта лопнуло, Чосер подал в отставку с почетной, но столь беспокойной и убыточной службы.

Ему явно хотелось отдыха и тишины. Смело предположим, что должность младшего королевского лесничего в Северном Петертоне (North Petherton), полученная чуть позже, стала для Чосера желанной спокойной заводью.

Два года спустя поэт получает из королевских рук десять фунтов «за оказанные услуги», в 1394-м — еще одно двадцатифунтовое пожизненное содержание, причитающееся ежегодно, а через двенадцать месяцев — пожизненное винное довольствие, равнявшееся «большой бочке» (tun), или двумстам пятидесяти двум галлонам (примерно тысяче ста сорока литрам) ежегодно.

В 1399-м Генрих IV подтвердил финансовые права и привилегии, дарованные Джеффри Чосеру его предшественниками, добавив от себя сорок фунтов ежегодного содержания.

Последний год жизни Чосер провел в небольшом доме по соседству с Вестминстерским аббатством.

* * *

Читатель наверняка недоумевает. Позвольте, скажет он, ведь перед нами послужной список добросовестного и удачливого чиновника. И — ни слова о творчестве!

Напоминаем: чосеровское жизнеописание составлялось лишь по государственным, частным и конторским документам той поры, а такие бумаги не самый обильный источник сведений о поэзии.

Здесь возникает вопрос: а зачем, собственно, Джеффри Чосер, унаследовавший после отца вполне приличное состояние, служил вообще? Для со-

временного нам поэта пойти на службу означает лишиться всякой возможности спокойно думать и писать. Поэты исхитряются нынче зарабатывать на жизнь разнообразнейшими способами, а постоянно служат лишь в совсем безвыходном положении.

Дорогой читатель, это нынче, во времена почти всемирного всеобщего равноправия, требуется просиживать офисное кресло по десять-двенадцать часов ежедневно.

При монархиях же рабочий день государственного чиновника (за редкими исключениями — вспомним «строительные работы», коими заведовал Чосер) составлял — везде: в России, Австрии, Англии, Германии, где угодно, — четыре или пять часов. Не верите — внимательно перечитайте хотя бы гончаровскую «Обыкновенную историю» или гоголевскую «Шинель». Ни Гоголя, ни Гончарова не упрекнешь в приукрашивании действительности.

В Средние же века служебное время было, скорее всего, еще короче, а доходы — куда значительнее (двадцать фунтов золота в год, чуть больше девяти килограммов — отнюдь не плохо). Но вряд ли Чосером руководили корыстные соображения, хотя на этом настаивают многие английские исследователи, утверждающие: поэт искал себе источник заработка.

Выдвигается, кстати, весьма убедительный довод: профессиональный литератор попросту не мог

бы существовать в тогдашней Англии, где, по словам Томаса Мора (Thomas More), даже около 1533 года шесть человек из десяти оставались полностью неграмотны. А профессиональный литератор всецело зависит от наличия многочисленной читающей публики, готовой платить за его произведения.

Увы, это действительно так. Но даже при всеобщей грамотности число просвещенных читателей может ограничиваться несколькими сотнями, в лучшем случае тысячами, — нам ли, живущим в эпоху телевидения, не знать об этом? И когда современный нам литератор идет служить, он продается в кабалу ради пропитания и хотя бы скудного достатка.

Однако семейный достаток Чосеров отнюдь не назовешь ни скудным, ни ограниченным. Зачем же Джеффри Чосер прослужил почти всю свою сознательную жизнь? Ведь человек, наделенный подобным талантом, не может быть алчен по натуре. Вспомним, о чем озадаченный Вергилий спрашивает латинского поэта Стация, томившегося в чистилище среди скупцов и расточителей:

Как это у тебя в груди могла
Жить скупость рядом с мудростью, чья сила
Усердием умножена была?

*Данте. Божественная комедия. Чистилище,
песнь 22, ст. 22–24. Пер. М. Лозинского*

И Стаций с улыбкой отвечает: я маялся отнюдь не за скупость, а за второй, противоположный грех — расточительство. Поэт-скупердяй и впрямь редкость. А жадный гений, готовый лишиться денег ради пожертвовать драгоценным досугом, — явление невозможное.

В России спустя четыре столетия добровольно служил и занимал важные государственные должности Гавриил Романович Державин. Однако С. Аверинцев справедливо говорит об «обостренно совестливом отношении Державина к своей обязанности как сенатора стоять за правду. Ради этого он ссорился с сильными мира сего и навлекал на себя раздражение императрицы; ради этого он, что гораздо больше, готов был пожертвовать занятиями поэзией»*.

Но иступленным правдоискателем, да еще готовым ради государственных обязанностей придушить ниспосланный ему Божий дар, Чосера называть нельзя — иначе вряд ли английского поэта потерпели бы на службе трое королей кряду.

Гавриила Державина в немалой мере подстегивала память о собственных бедствиях, испытанных в начале жизненного пути. Молодой Гавриил Романович и мыкался, и мучился от безденежья,

* Лев Озеров. Прелесть и сила необъятная // Кольцов А. В. Стихотворения. М.: Детская литература, 1988.

и регулярно играл в карты, надеясь хоть немного выиграть, — и выигрывал, даже весьма существенные суммы. Короче, на собственной шкуре прочувствовал, каково достается бедняку.

Чосер же отродясь не ведал бедности — кошелек его заметно исхудал разве что в последние месяцы чосеровского земного бытия, — и азартных игр отнюдь не жаловал («Поскольку я — любитель книг, / Не любящий тавлей и зерни...»), и правды-матки не искал, а служить исключительно за мзду не пошел бы, скорее всего, никогда.

Не пошел бы такой талант в услужение и ради сомнительной радости околачиваться подле титулованных и даже венценосных особ — чересчур уж хорошо сознавал он собственное свыше дарованное, а не людьми пожалованное превосходство.

Мы полагаем, что Чосером руководило третье, совершенно понятное соображение. Остаться в той среде, в которой он родился, означало скоротать век среди простых и предельно ограниченных, если не откровенно тупых горожан, бесконечно чуждых искусству, полностью безразличных ко всему, чем единственно и желал жить на свете Джеффри Чосер.

Через четыре с половиной столетия выдающийся русский поэт Алексей Кольцов будет задавлен и загублен сиволопой купеческой средой, вырваться из коей он то ли не смог, то ли не решился.

«Мечтатель, поэтическая натура, чуткая и впечатлительная душа, Кольцов был погружен в дела низменного торга, в суды-пересуды купцов, в скотные дворы, в лукавство и азарт купли-продажи... Другой воронежский поэт, Никитин, торговал в свечной лавке и ходил с лотком по базару...» *

С лотком по базару Джеффри Чосер ходил бы навряд ли, но «делами низменного торга» занимался бы вынужденно, а «суды-пересуды» самодовольных зажиточных болванов способны довести человека «с умом и талантом» (слова Пушкина) до исступления — и уж во всяком случае поэтическому раздумью не способствуют. Припомним: Джон Чосер для того и давал своему ребенку отменное образование, чтобы тот поднялся как можно выше. Впрочем, отец руководствовался расчетами чисто практическими — он понятия не имел, кого породил.

Но сын, великий английский поэт Джеффри Чосер, прекрасно видел и понимал, что светская средневековая культура ценилась и цвела исключительно в аристократических кругах. Приверженцы и поборники «народного творчества» могут заявлять все, что им угодно, — дальше фабль, шванков и похабных частушек так называемый народ не шел никогда и ни в одной стране.

* Державин Г. Оды. Л.: Лениздат, 1985. С. 14.

А кто шел — немедля «отрывался от народа» и становился автором. Ежели этому автору не везло, позднейшие исследователи вынужденно причисляли его к «неизвестным» или «безымянным».

И Чосер не щадил усилий, дабы оставаться там, наверху — где его любили, чтители, читали и отлично знали.

Есть очень плодовитые поэты и писатели, имена которых устойчиво сопрягаются в читательском сознании лишь с одной книгой. Говорим «Сервантес» — подразумеваем «Дон Кихот», говорим «Дефо» — подразумеваем «Робинзон Крузо». Точно так же воспринимается — по крайней мере, за пределами Соединенного Королевства — имя Джеффри Чосера: «О, „Кентерберийские рассказы“!»

Между тем огромное сочинение, замысел которого был навеян Чосеру «Декамероном», осталось даже недописанным до середины. Богомольцы, направлявшиеся в Кентербери, должны были, по воле Чосера, поведать своим спутникам по две истории, а того, чья повесть окажется наилучшей, угостить обильным ужином после возвращения в Лондон. Чосер довел своих героев до Кентербери, однако ни обратный путь, ни ужин изобразить уже не успел.

К тому же «Кентерберийские рассказы» при всех неоспоримых блистательных достоинствах интересны в наше время главным образом историку-медиевисту либо литературоведу. Их изучают

на филологических факультетах, «проходят» — но впоследствии почти не перечитывают. Это «превосходная рифмованная проза» (слова Евг. Витковского), блестящая череда жанровых зарисовок, сообщающих мелкие и крупные бытовые подробности, описывающих одежду, обычаи, нравы, манеры и замашки. В общем, весьма хороший роман, прекрасный справочник по английскому Средневековью, изложенный стихотворными столбцами.

Совсем недавно британцы учредили в Кентербери своеобразную службу театрализованных экскурсий. Навстречу туристам выходит актер, изображающий Джеффри Чосера, и ведет приезжих по старинным улочкам, декламируя уместные отрывки из поэмы. Другие актеры, одетые паломниками, разыгрывают в лицах отдельные сцены «Кентерберийских рассказов». Для многих гостей это представление под открытым небом становится единственным более или менее близким знакомством с великим английским поэтом.

«Кентерберийские рассказы» — последнее крупное создание Джеффри Чосера. Начальные наброски относятся еще к 70-м годам XIV века, однако главная работа была все же проделана между 1392-м и 1400-м.

В любой работе о Джеффри Чосере — и маленькой заметке, и пространной статье, и объемистой монографии — «Кентерберийским рассказам» не-

изменно уделяется львиная доля внимания. О ранних же чосеровских произведениях и в зарубежной, и в отечественной литературе издавна принято говорить гораздо короче, точно речь идет об ученичестве или, в лучшем случае, о дальних подступах к «настоящему».

Это ни в коем случае не соответствует истине.

Между 1367-м и 1370-м Джеффри Чосер сочиняет множество стихотворений, не сохранившихся для потомства, и перелагает на английский — правда, не полностью — рифмованный «Роман о розе», возникший в предшествовавшем столетии, одну из наиболее прославленных в то время книг.

Принадлежность этого перевода Чосеру долгое время ставилась британскими литературоведами под сомнение. Однако выяснилось: около 1385-го известный французский поэт Эсташ Дешан (Eustache Deschamps) прислал британскому собрату восторженные стихи, восхваляющие «великого переводчика благородного Джеффри Чосера». Если вспомнить бессмертную балладу Дешана («Прощай, Париж, прощайте, пирожки» — перевод А. Парина), популярную не только в нынешней Франции, но и в нынешней России, — свидетельство приобретает определенный вес. Да и сам факт того, что Дешан читал своего современника Чосера по-английски в тот век, когда на континенте еще никто как литературный этот язык всерьез не

принимал, более всего говорит нам о том, что именно на этих поэтах кончилось Средневековье и началось Возрождение, распространявшееся из своей итальянской колыбели по всей Европе, по всему миру.

Помимо «Романа о розе» и прозаического трактата «Философское утешение», написанного латинским автором Боэцием, сколько-нибудь крупных переводов за Чосером не числилось, да и эпитетом «великий» навряд ли наградили бы за что-то незначительное. Правда, некий Джон Шерли (John Shirley), торговавший в XV веке — поэта уже не было в живых — рукописями знаменитых сочинений, пополнил чосеровские книги многими апокрифами. Но Эсташ Дешан выразил свое отношение к Джеффри Чосеру задолго до этого, да и сам Чосер, человек не только избыточно честный, но и склонный то и дело иронизировать по собственному адресу, мало похож на плагиатора, способного невозмутимо принимать незаслуженные похвалы.

Несомненно, английский текст «Романа о розе» создан Джеффри Чосером. Но все же главное тогдашнее произведение — «Книга о королеве» (The Book of the Duchesse). Считается, что Чосер написал ее, дабы в изящной, утонченной аллегории увековечить память герцогини Ланкастерской, первой жены Джона Гонтского.

Сюжет поэмы несложен. Измученный бессонницей повествователь засыпает, прочитав пространный отрывок из Овидиевых «Метаморфоз» — предание об Алкионе и Кеике. Во сне он встречает безутешно скорбящего Черного Рыцаря, и тот излагает историю своей непоправимой утраты.

Судя по беседе повествователя с Черным Рыцарем, отношения между Чосером и Джоном Гонтским действительно были весьма дружескими — кое-где прорываются фразы откровенно фамильярные. Поскольку между смертью Беянки (Blanche) Ланкастерской и появлением «Книги о королеве» прошло полтора-два года, печаль овдовевшего супруга уже успела утихнуть, и легкая ирония касаясь преувеличенно глубокой скорби, очевидно, принималась уже вполне благоклонно.

В отличие от Черного Рыцаря, Джон Гонтский не остался безутешен, последовал совету Чосера (Воспрянь, — ответил я, — не горби / Спины! Возможно повстречать / Любовь не меньшую опять!) и женился еще дважды. В свите его третьей супруги состояла некоторое время Филиппа, жена Чосера. Но первоначально вдовец, наверное, и впрямь готовился наложить на себя руки.

Поэмы-видения, или поэмы-сновидения, вообще были чрезвычайно распространены в Средние века (известная поэма Ленгленда так, например,

и звалась: «Видение Петра-пахаря»). Этот прием позволял описывать самые невероятные события без лишних комментариев, ибо видения ниспосылаются свыше, а со сновидением вообще просто — приснилось так, и все тут.

Чосер посвятил поэму Джону Гонтскому. Поэтому считается, что «Книге о королеве» надлежало увековечить образ Белянки Ланкастерской — и только. Вероятно, это правда, но не вся. Позволим себе отчасти оспорить это суждение.

Во-первых, стихотворения и поэмы «на случай» — счастливый либо трагический — пишутся «по горячим следам» случившегося. Но ведь между смертью герцогини и началом работы над «Книгой о королеве» миновал целый год, и сама работа длилась не меньше года. Предвидим возражение: «Книга» создавалась не на случай, а в память — посему торопиться Чосеру было незачем.

Резонное возражение. И героиню в подлиннике зовут White — буквальный перевод французского имени Blanche. И права у аллегории особые: действие может происходить в краях, напоминающих некий слой «инобытия» (выражение Даниила Андреева), а скорбящий Черный Рыцарь может оказаться королем, а юница Белянка — существом почти неземным.

Однако нигде ни разу не говорится, что Белянка стала женой Черного Рыцаря!

Это немаловажно. Воспевая достоинства покойной герцогини, следовало бы превозносить ее супружеские добродетели, по крайности, упомянуть о них, но этого-то у Чосера и нет. Повесть, изложенная Черным Рыцарем, — повесть о восторженном юношеском поклонении красоте, доброте, уму и невинности, рассказ о борьбе с недоброй судьбой и о понесенной утрате.

Безутешный рассказчик излагает автору историю так называемой рыцарской любви, то есть служения прекрасной даме либо девице. Этому служению полагалось быть всецело бескорыстным. Средневековый рыцарь мог любить прекрасную девушку, но «странную любовью» (выражение Лермонтова): поклоняться предмету своего обожания, совершать подвиги для вящей девичьей (или дамской) славы, преломлять во имя любви копья на турнирах или в дорожных поединках — но и только.

Женился рыцарь, как правило, на другой.

Преспокойно можно было служить и замужней особе, превознося ее достоинства точно таким же образом и ничего не ожидая взамен. Подобное служение даже супружеской ревности в муже не вызывало.

Сложнейшая игра, именовавшаяся рыцарской любовью, имела множество условий и правил, игра эта создавалась веками и являла собою изысканный, во многом здоровый противовес окружающе-

му зверству и дремучей дикости. Облагораживая природы, она волей-неволей понуждала рыцаря думать: а что сказала бы о моем поступке прекрасная госпожа?

Именно сия игра породила задолго до Чосера утонченную и блистательную поэзию трубадуров, изобилующую истинными шедеврами любовной лирики, ничуть не потерявшими в выразительности и поныне.

Нам кажется, что вторая часть «Книги о королеве» — достаточно отвлеченное, превосходное, подробное, очень живое описание рыцарской любви, точнее, идеальной рыцарской любви, любви, о коей лишь и можно сказать: неземная. Перед нами — аллегорическая поэма о возвышеннейшем чувстве, сознательно культивировавшемся аристократами Средних веков и ушедшем в историю вместе со Средними веками. Смерть герцогини Ланкастерской была, вероятно, толчком к работе, но, судя по тексту, предметом воспевания Белянка в итоге не стала.

Кстати, оплакивать умершую возлюбленную Черный Рыцарь явно учился у Франческо Петрарки — отдельные строки даже звучат мягкой, очень доброжелательной пародией на сонеты великого итальянца.

Думается, поэма посвящена Джону Гонтскому по соображениям просто дружеским — и более нежели понятным.

Впрочем, «Ни стар не встретился, ни мал, /
Чтоб этот сон истолковал»...

Написанный десятью или двенадцатью годами позже «Птичий парламент» (The Parlement of Foules) — самая настоящая басня: огромная, изложенная задорно, весело и безо всякой навязчивой морали. И здесь перед нами тоже поэма-сновидение, которой предпосланы элегический зачин и неспешная торжественная завязка.

Предполагают, что «Птичий парламент» посвящен свадьбе Ричарда II и Анны Богемской, но это предположение кажется нам не вполне обоснованным, ибо в поэме речь идет не о счастливом браке, а о безуспешном соперничестве трех орлов и откровенном нежелании орлицы выбрать себе супруга — вопреки настояниям Природы-матери. Сюжет, согласитесь, весьма далекий от свадебного.

Да и едва ли Чосер позволил бы себе насмешливые стихотворные вольности касаясь королевской свадьбы, тем паче что королю тогда исполнилось лишь четырнадцать и неведомо, как воспринял бы только что женившийся подросток самую безобидную шутку по столь важному для него поводу.

Скорее всего, здесь надлежит говорить о пародии на парламентские прения и о мягкой иронии по поводу рыцарской любви. А довольно продолжительное странствие по увиденному во сне парку дозволило сызнова вспоминать о мифических ге-

роях и обнаруживать неотъемлемо важное для средневекового поэта знакомство с латинскими авторами.

Если до 1373-го в творчестве Чосера сказывалось, главным образом, латинское и французское влияние, то непосредственное и близкое знакомство с итальянской культурой давало знать о себе во все последующие годы. Больше всех Чосер был обязан Данте Алигьери, Франческо Петрарке и особенно Джованни Боккаччо — именно из Боккаччо, точнее, из его «Il Filostrato», заимствован сюжет любовной поэмы «Троил и Крессида» («Troilus and Criseyde»), вышедшей на русском языке два года назад в переводе Марины Бородинской.

Но сам Чосер нигде и ни разу не упоминает о заимствованиях у Боккаччо, хотя, как справедливо утверждает Ян Оусби, «задолжал тому невероятно». Впрочем, по словам того же Оусби, хоть повесть Боккаччо и хороша, но в «Троиле и Крессиде» Чосер сделал по сравнению с нею немалый шаг вперед, создав гораздо более живые характеры и гораздо глубже проникая в подоплеку их поступков.

Около 1378—1381 годов Чосер пишет пространную поэму «Обитель славы» (The House of Fame) и несколько меньших произведений. К сожалению, «Обитель славы», подобно созданным пятью годами позже и еще более пространному «Преданиям

о достойных женщинах» (The Legend of Good Women), подобно прославленным «Кентерберийским рассказам», осталась, увы, незавершенной.

Книги, предшествовавшие «Кентерберийским рассказам», отличаются высокой — даже более высокой, нежели сами «Рассказы», — поэтичностью, изобилуют сложными, красочными образами, афоризмами, аллюзиями библейскими и античными. Джеффри Чосером зачитывались и вся просвещенная Англия, и — Эсташ Дешан тому свидетель — многие иностранцы, любившие литературу и знавшие английский. Это стихи, кои всегда возможно читать не как источник любопытных сведений, а именно как великолепные стихи — так поныне читают, например, сонеты старшего чосеровского современника Франческо Петрарки или бессмертную поэму старшего современника Петрарки, великого флорентийца Данте Алигьери.

Точно датировать произведения Чосера невозможно, единственное исключение составляет «Книга о королеве». Время возникновения той или иной поэмы или баллады указывается предположительно, чтобы не сказать гадательно.

Если чосеровская чиновничья карьера с подробностями представлена в документах XIV века, то составить хотя бы краткую поэтическую биографию замечательного современника никому и в голову не приходило, хотя, кроме Эсташа Дешана,

о Чосере слагал хвалебные стихи Джон Гауэр (см. соответствующее место в написанной по-английски поэме Гауэра «Confession Amantis»).

Стихи, написанные прежде «Кентерберийских рассказов», пользовались неизменным успехом и стяжали всеобщее признание. Почти столетие спустя, в 1477 году, предприимчивый английский перепечатчик Вильям Кэкстон (William Caxton) начинал свою деятельность, публикуя самые ходкие книги, покупавшиеся нарасхват. И ранние чосеровские поэмы Кэкстон издал немедля, наравне с «Троянскими повестями», «Афоризмами и наставлениями философов», а также знаменитой, тогда еще «свежеиспеченной» «Смертью Артура» (Le Morte d'Arthure), принадлежащей перу Томаса Мэлори (Thomas Malory) и появившейся ровно веком позднее «Книги о королеве».

Около 1392-го Чосер сочиняет свой «Трактат об астрольбии» (The Treatise of the Astrolabe), который посвящает младшему сыну Льюису.

Работы над «Кентерберийскими рассказами», начатыми где-то в середине 1370-х, поэт не прекращал до самой смерти.

* * *

Чосера называли утренней звездой английской литературы. Пусть верующий читатель не смуща-

ется этим почетным титулом — даже Джон Мильтон говорит о Спасителе: «Денница наша» («Возвращенный Рай», книга первая), а предводитель богоотступных аггелов утратил право на столь блистательное имя сразу же после своего низвержения с Небес — это известно хотя бы из того же Мильтона.

Блистательное имя Чосером заслужено вполне. Поэтические достоинства его творений говорят сами за себя. Но этого мало. Именно Чосер сделал для английской литературы то, что Ломоносов и Тредиаковский совершили для русской — и даже больше, ибо именно Чосер ввел не только силлаботонический, но и рифмованный стих, пришедший на смену силлабическому и аллитерационному.

И семистрочная строфа, им изобретенная, ныне зовется Чосеровой (Chaucerian stanza). Рифменная схема а b a b b с с чрезвычайно упруга и выразительна, Чосерова строфа как будто создана для поэзии афористической, изобилующей фразами, кои со временем становятся крылатыми.

Впрочем, и в английском, и в отечественном литературоведении за ней закрепилось второе название: королевская строфа (Rhyme Royal). Произошло сие оттого, что Чосеровой строфой написал свою поэму «The Kingis Quair» ученик и подражатель Джеффри Чосера, шотландский король Иаков Первый (James I of Scotland), — надо отме-

тить, что Иаков находился в то время в плену у англичан, читал по-английски и на латыни, однако писал на языке, который ныне принято называть старошотландским. Иаков даже зачин своей книги строит в точности так, как построено начало «Птичьего парламента» Чосера:

В покое спальном я один лежал.
Меня внезапно что-то пробудило,
И сладкий сон очей моих бежал.
О том, о сем я думал через силу,
Хотел опять заснуть — не тут-то было,
И чтоб часы ночные скоротать,
Я книгу взял и стал ее читать.

Ее создателем Бозций был —
Науки светоч, века украшенье,
Державный муж, что истину любил.
Изведал он хулу и поношенье,
Но в мудрости обрел он утешенье,
Когда судил жестокий рок ему
Падение, изгнанье и тюрьму.

Перевод А. Петровой

Этой же строфою впоследствии с успехом пользовались Вильям Шекспир (см. поэму «Лукреция»), Томас Уайетт (Thomas Wyatt) и Эдмунд Спенсер (Edmund Spencer).

У Чосера учились, Чосеру подражали такие выдающиеся поэты средневековой Англии, как Джон Лидгейт (John Lydgate), Томас Хокклив (Thomas

Ноклив), Роберт Генрисон (Robert Henryson), Томас Эск и Джон Гауэр. Из них по крайней мере двое — Лидгейт и Гауэр — считаются безусловными классиками, чьи произведения входят во всякую серьезную хрестоматию или антологию.

С 1399 года поэт поселился в Вестминстере, где и умер 25 октября 1400 года. Последним чосеровским произведением стала баллада, названная «Чосер пеняет своей исхудавшей возлюбленной Кошели». Надобно думать, причины для пеней отыскивались под занавес довольно веские, невзирая на весьма немалые доходы, полученные прежде. Впрочем, баллада эта сама по себе весьма красноречива:

ЖАЛОБНАЯ ПЕСНЬ ЧОСЕРА СВОЕЙ ИСХУДАВШЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ КОШЕЛИ

Тебе, Кошель, кому же еще, кому? —
Я жалуюсь, возлюбленной и милой,
О Госпожа, мне трудно одному,
Худой ты стала, мрачной и унылой,
Как эта жизнь, объятая могилой.
И я взываю: верная моя,
Толстей скорее, или кончусь я.

Спаси мой день, гони ночную тьму,
Когда бы ты меня усыновила,
Светила б солнцем сыну своему,
И желтый свет был бесконечной жилой,

О как бы мне тогда ты удружила,
О Королева Жалость, страсть моя,
Толстей скорее, или кончусь я.

Моя Кошель, ты — всё, и посему
Хранитель-Ангел и защитник милый,
Как здесь, так и повсюду, свет уму,
Сокровищница, ты б меня хранила,
Ведь без тебя чуть не погиб я было.
Спаси, молю, судьбы моей жнея,
Толстей скорее, или кончусь я.

Посылка Чосера:

О ты, завоеватель Альбиона!
Ты, истинный король, владетель трона,
Тебе я посылаю песнь сию,
Чтобы, узнав по ней печаль мою,
Задумалась над ней твоя корона.

Перевод А. Прокопьева

Погребли Джеффри Чосера в Вестминстерском аббатстве. Вокруг чосеровского надгробия возник впоследствии хорошо известный уголок поэтов. Англия стала хоронить лучших своих певцов подле места, где упокоились бранные земные останки человека, благодаря таланту и трудам которого английскую литературу впервые назвали великой.

Сергей Александровский

Примечания

Книга о королеве

Джеффри Чосер написал «Книгу о королеве» (*The Boke of the Duchesse*, согласно чосеровской орфографии) в 1369—1370 годах, увековечив таким образом память Белянки (*Blanche*), герцогини Ланкастерской, скончавшейся в сентябре 1368-го. Возможно, что именно Белянка, или Бланка (по-испански — белая) Ланкастерская возникает гораздо позднее в балладе Франсуа Вийона «О женщинах былых времен»:

Где Бланка, лилии белей,
Чей всех пленял напев сиренный?

Перевод В. Брюсова

«Книга о королеве» была и остается единственным крупным произведением Джеффри Чосера, которое можно датировать с точностью.

У читателя возникнет совершенно справедливый вопрос: отчего английское duchess — «герцогиня», передается по-русски словом «королева»? Но в тексте поэмы нигде не упоминается, какой же, собственно, титул носила Беянка, и без комментария об этом можно лишь гадать. С другой стороны, сюжет второй части вращается вокруг аллегорической шахматной партии, во время которой Черный Рыцарь якобы проигрывает Фортуне свою возлюбленную, сиречь ферзя (королеву). Для англоязычного читателя заглавие содержит очевидную, простейшую игру слов: duchess — chess (герцогиня — шахматы).

Кстати, американская компьютерная программа, проигравшая в свое время шахматный матч нашей отечественной «Каиссе», так и звалась: «Duchess» — именно благодаря этому витающему в воздухе каламбуру.

Дабы сохранить образную связь между названием поэмы и ее текстом, предлагаемый перевод озаглавлен «Книга о королеве».

Вступление

3 *Вотще и втуне...* — тщетно и напрасно, впустую и без толку.

33 *...не вею* — не ведаю, не знаю.

37 *Которым целых восемь лет* — Определенное упоминание о восьми годах позволяет предположить: серьезной бессонницей Чосер в то время страдал и впрямь. Не пытаясь обнаружить какую-либо связь между фактами, все же упомянем: герцогиня Ланкастерская умерла через восемь лет после того, как поэта выкупили из французского плена.

40 *К единственному же врачу, / К целевнице...* — Налицествует некоторое противоречие восьмой и девятой строкам «Птичьего парламента»:

Пускай любви не ведал я на деле
И изды не видел за сердечный труд...

49 *Тавлея* — шахматная либо шашечная доска. Слово происходит от латинского *tabula*, общеизвестного по словосочетанию *tabula rasa* — чистая гладкая доска или, в образном значении, законченный неуч. *Зернь* — игра в кости. «Рыцарь должен был владеть семью рыцарскими искусствами: верховой ездой, плаванием, стрельбой из лука, кулачным боем, соколиной охотой, игрой в шахматы и сложением стихов» (Разин Е. А. История военного искусства. М.: Воениздат, 1957. Т. II. С. 171). Казалось бы, Чосеру, проведшему большую часть жизни среди аристократов, полагалось отзыватьсь о шахматах с известным почтением. Однако

пренебрежительный отзыв о тавлеях можно понять, если учесть, что игра на ставку сплошь и рядом низводила шахматы до уровня азартных времяпрепровождений.

52 *То был сказаний древних свод* — Речь явно ведется не об отдельном томе Овидиевых «Метаморфоз» (см. ниже), а о целой антологии латинских поэтов, либо так называемой конволюте — нескольких разных книгах, переплетенных воедино. Знание латинского языка и начитанность в латинской литературе составляли основу средневекового образования, заметим вскользь — весьма разумную, полное изъятие которой из школьного обучения в XX веке стало далеко не последней из причин, вызвавших обвальное крушение культуры. Обнаруживать знакомство с латинской классикой и ссылаться на древних поэтов и писателей было в средневековой словесности не просто хорошим тоном, а едва ли не *conditio sine qua non* — условием, без коего нельзя обойтись.

62 *Жил некогда в Элладе царь* — Далее вольно пересказывается миф об Алкионе и Кеике, излагаемый древнеримским поэтом Овидием (43 г. до Р. Х. — 17 г. по Р. Х.) в одиннадцатой книге знаменитых «Метаморфоз», которые издавна стали

своеобразным справочником по эллинской и древнеримской мифологии. Русская транскрипция имен собственных избрана в согласии с классическим переводом С. В. Шервинского, по изданию: Публий Овидий Назон. *Метаморфозы* / Перевод с латинского С. Шервинского. М.: Худож. лит., 1977. Из этого издания заимствованы все дальнейшие цитаты. В литературе XIX — начала XX веков устойчиво бытовало написание *Гальциона* и *Цейкс*.

69 ...*мой стих утратит прыть, / Поведав перечень причин.* — Овидий говорит:

...В сердце смущен и встревожен Кеик и готовится,
с целью
Божьи вещанья узнать — утешенье всегдашнее
смертных, —
В Клар к Аполлону идти. Форбант в то время
безбожный
С шайкой флегийцев пути заступал к святыням
дельфийским.

(XI, ст. 411–414)

«В городе Кларе, в Малой Азии, был храм и оракул Аполлона, как и в Дельфах. *Форбант* — предводитель флегийцев, племени, упоминаемого уже у Гомера. Это было разбойничье племя, нападавшее на путешественников, отправлявшихся с дарами в Дельфы» (Ф. Петровский. Примеч. к упомянутому выше изданию, с. 413).

Не желая странствовать по суше и наткнуться на флегийских головорезов, Кеик решил отправиться в святилище Аполлона морским путем. Связное изложение предшествующих событий, побудивших царя плыть к оракулу, действительно заняло бы немало места, и любопытный читатель узнает о них, обратившись непосредственно к Овидию.

105 *Кронид* (сын Крона) — одно из имен верховного эллинского божества Зевса, чьей сестрой и супругой была Гера.

125 ...*К ближней из лежанок / Отнес царицу рои служанок — // Притихший рои печальных дев —* Скорее всего, навеяно Вергилием:

Но подхватили ее поникшее тело служанки,
В дальний чертог отнесли, уложили на мягкое ложе.

Энеида. Кн. IV, ст. 391–392

Этот и все дальнейшие отрывки из «Энеиды» в переводе С. Ошерова цитируются по изданию: Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида // БВЛ. Сер. 1. Т. 6. М.: Худож. лит., 1971.

134 *Вмешалась Гера, коей зов / Понесся к вестнику богов —* У Овидия Гера призывает Ириду (Радугу) — олимпийскую вестницу. Чосер же явно имеет в виду Гермеса-Эрмия, также сплошь и ря-

дом служившего глашатаем при Зевсе и Гере (см., например, ту же четвертую книгу «Энеиды»).

138 *В угрюмый киммерийский край* — Речь идет не о крымской, а о мифической Киммерии, бесконечно далекой, угнетающе мрачной северной стране.

143 *И внидет пусть в осклизлый труп* — У Овидия об этом говорится гораздо мягче:

И прикажи, чтобы он Алкионе послал в сновиденье
Мужа покойного тень, подобие подлинной смерти.

(XI, ст. 587–588)

145 *Навь* — оживший мертвец. Один из выдающихся поэтов и писателей русского Серебряного века Ф. Сологуб так и озаглавил свой роман, изруганный впоследствии В. И. Ульяновым-Лениным, — «Навь чары». В отличие от хищного и жуткого упыря, навь была способна «оберегать живых, помогать им» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1983. Вып. 10).

156 *В пространный и суровый дол...* и далее. — Ср. у Овидия:

Близ Киммерийской земли, в отдаленье немалом,
Есть, углубленья в горе, — неподвижного Сна
пещера
там покой.

Не достигает туда, ни всходя, ни взойдя,
ни спускаясь,
Солнце от века лучом: облака и туманы
в смешенье
Там испаряет земля, там смутные сумерки вечно.
Песней своей никогда там птица дозорная с гребнем
Не вызывает Зарю; тишину голоса не смущают
Там ни собак, ни гусей, умом собак превзошедших.
Там ни скотина, ни зверь, ни под ветренным
веяньем ветви
Звука не могут издать, людских там не слышится
споров.
Полный покой там царит. Лишь внизу из скалы
вытекает
Благи летеиской родник; спадает он с рокотом
тихим,
И приглашают ко сну журчащие в камешках струи.

(XI, ст. 592—604)

173 *И сколько снов с богами рядом / Покоилось недвиж-
ным сонмом — Ср. у Овидия:*

Там почивает сам бог, распростертый
в томлении тела.
И, окружив божество, подражая обличиям разным,
Все сновиденья лежат, и столько их, сколько колосьев
На поле, листьев в лесу иль песка, нанесенного
морем.

(XI, ст. 612—614)

178 *Гонец ворвался, точно шквал. — Последующая
сцена в пещере откровенно пародийна: у Ови-*

дия вестница Ирида спокойно и почтительно излагает богу Сну (Гипносу) веление Юноны (Геры):

«Сон, всех сущих покой! Сон между бессмертных
тишайший!

Мир души, где не стало забот! Сердце усладитель
После дневной суеты, возрождающий их для работы!
Ты сновиденьям вели, что всему подражают живому,
В город Геракла пойти, в Трахины, и там Алкионе
В виде Кеика предстать, и знаки явить ей крушенья.
Это — Юноны приказ».

(XI, ст. 623—629)

Сон отряжает одного из своих сыновей, Морфея, исполнить веление олимпийской владычицы. У Чосера забавная пародия занимает четырнадцать строк — объем сонета. Почти пятьсот лет спустя основоположник собственно украинской (малороссийской) словесности Иван Котляревский умудрился полностью изложить поэму Вергилия в несравненно более шутовском и разухабистом ключе, например, Юнона у Котляревского — «сучья дочка». По сути, с ёрнической «Енеїди» начинается вся литература, за неполных два столетия накопившаяся на украинском языке.

214 Вдова звала его, стена, / И через три скончалась
дня — У Овидия утопленник обнаруживается на

вах, семи полных и семи тощих колосьях (Быт. 41; 17—43).

284 *Макробий* — автор латинских трактатов, по-видимому, пользовавшийся у Чосера особым уважением. Макробий снова упоминается в первой, вступительной части «Птичьего парламента», где *Сципион Африканский* (см. примеч. к ст. 42), прославленный древнеримский полководец, на время становится действующим лицом — точнее, действующим призраком.

Сновидение

325 *На этих витражах война...* — Далее перечисляются некоторые главные герои гомеровской поэмы «Илиада». Упоминание Медеи, о которой у Гомера не говорится, можно отнести на счет случайной ошибки. Вероятнее всего, Джеффри Чосер знакомился с гомеровскими поэмами в чьем-либо устном изложении, поскольку знание греческого языка на средневековом Западе было редкостью: даже образованнейший Франческо Петрарка долгие годы ожидал, пока по его особому заказу выполнят прозаический латинский перевод «Илиады» и «Одиссеи».

333 «Роман о розе» — аллегорический стихотворный роман, пользовавшийся очень большой известностью в Средние века. Состоит из двух неравных частей: первая (4000 стихов) написана в первой половине XIII века Гильомом де Лоррисом (Guillaume de Lorris), а вторая (13 000 стихов) сочинена примерно пятьдесят лет спустя Жаном де Мэном (Jean de Meun). «По выражению издателя „Романа о розе“ Полена Париса, произведение это (первая часть. — С. А.) есть физиология любовной страсти. Роза — это любимая женщина, а аллегорические фигуры — все, что содействует или препятствует любви. <...> Совершенно другой характер приобретает тот же сюжет под рукою Жана де Мэна, автора второй части. <...> Здесь любовная фабула отодвигается на задний план; интерес любви заменяется другими, более серьезными интересами» (Стороженко Н. И. Очерк истории западноевропейской литературы. М.: Типогр. Г. Лиснера и Д. Собко, 1910. С. 94—95). Интересы действительно были серьезными, поскольку Жан де Мэн, образцовый, чистейшей воды нигилист, поспешивший родиться лет на шестьсот пятьдесят — семьсот раньше срока, хулит и ниспровергает всё и вся: «Автор выступает заклятым врагом не только духовенства, но и феодального режима. <...> Он подвергает все обществен-

ные отношения Средних веков и саму королевскую власть резкой критике. На монашество он нападает, выводя тип лицемера... <...> Автор... остроумно осмеивает средневековое поклонение женщине. Любовь он определяет как болезнь мысли (*maladie de la pensée*)» (Там же, с. 95—96). Первый, незавершенный перевод «Романа о розе» на английский язык приписывают — и, по-видимому, вполне обоснованно — Джеффри Чосеру.

348 *Смычок* — веревка, которой связывают попарно гончих собак; *свофа* — бечевка, на которой водят борзых собак, обычно по две. (Словарь русского языка. М.: 1984).

363 *Выжлец* — гончий кобель.

367 *Наш государь Октавиан* — несомненно, условно-поэтическое имя, данное герою в честь римского императора Октавиана Августа, долгое время считавшегося одним из образцов государственной мудрости. Кого именно Чосер зовет Октавианом, можно лишь догадываться с большей или меньшей степенью вероятности. Выбор имени кажется несколько странным, если припомнить, что именно Октавиан Август пожизненно изгнал из Рима на тогдашний край света, в нынешнюю Молдавию, свое-

го блистательного современника Публия Овидия Назона, которого так любил Джеффри Чосер.

- 369 *Доезжащий* — «служитель, обучающий гончих собак, заведывающий стаей; в его ведении псаря». (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. I). Всеобъемлющим справочником по псовой охоте могла бы служить замечательная и незаслуженно забытая книга Ф. Дриянского «Записки мелко-травчатого».
- 380 *Красная лесная дичь* — или красный зверь: олени, лани, косули.
- 388 *Щенок* — явно аллегорический персонаж. Он увлекает повествователя в лесную глубь, выводит его к Черному Рыцарю, скорбящему наедине с собой, а потом, «исполнив задачу», попросту исчезает из поэмы.
- 439 ...*множество телячьих кож* — Пергамент (или харатья) выделялся из телячьей кожи.
- 531 *Коликой* — какой.
- 569 *Марциал* — Марк Валерий Марциал (ок. 40 г. — ок. 104 г. до Р. Х.) — древнеримский поэт, автор более полутора тысяч весьма насмешливых и ядовитых эпиграмм. Приводим образец:

И лица твоего могу не видеть,
Да и шеи твоей, и рук, и ножек,
И грудей, да и бедер с поясницей.
Одним словом, чтоб перечня не делать,
Мог бы всей я тебя не видеть, Хлоя.

Перевод Ф. Петровского.

Цит. по изданию: *Античная лирика* //

БВЛ. Сер. 1. Т. 4.

М.: Худож. лит., 1968. С. 464

625 *Гамбит* — начало шахматной партии, в которой белые жертвуют пешку или фигуру, чтобы противник, принявший жертву, оказался в менее выгодном, а иногда и в проигрышном положении.

664 *Ей проиграл бы сам Аттал, / Что шахматы изобретал!* — Атталами звались трое пергамских царей, правивших в III—II веках до Р. Х. Кому из троих приписывал Чосер изобретение шахмат — непонятно. В Средние века в Западной Европе не имели представления о месте и времени возникновения шахмат и бытовали различные мифы об их изобретении: царем Вавилонии Навуходносором (VI в. до н. э.), одним из героев Троянской войны Паламедом или, наконец, Атталом (III—II в. до н. э.). Любопытно, что именно в средневековой Европе с ее культом рыцарского служения прекрасной даме, ферзь, или «визирь», бывший, по правилам арабского «шатранджа»,

слабейшей из фигур, начал зваться «королевой» или «дамой» и обрел наивысшую мощь, а следовательно, и очень большую шахматную ценность.

727 *Ведь проклят будешь, как Медея* — Дочь колхидского царя Ээта волшебница Медея полюбила предводителя аргонавтов Язона, помогла ему овладеть золотым руном и бежала с возлюбленным в Элладу, где стала его женой и родила двух сыновей. Однако впоследствии неверный аргонавт решил оставить Медею и жениться на Креусе, дочери коринфского царя. Безутешная жена погубила соперницу, затем, дабы поразить Язона в самое сердце, умертвила обоих сыновей и покинула Коринф на воздушной колеснице, запряженной драконами.

731 *Дидона быть могла умней* — См.: Вергилий. Энеида. Кн. 4. Карфагенская царица Дидона, по преданию, основавшая город, полюбила предводителя троянцев Энея, который приплыл в Карфаген после того, как ахейцы предали Троию огню и мечу. По воле Зевса (Юпитера) Энею пришлось покинуть гостеприимную подругу и отправиться дальше, в Италию. Обезумев от горя,

...Твердо решила на смерть и выбрала втайне

царица

Смерти способ и час...

<...> В глубине дворца на высокий
Всходит царица костер и клинок обнажает
дарданский —
Не для того этот дар просила она у Энея!
<...> «Хоть неотмщенной умру — но умру желанною
смертью.
С моря пускай на огонь глядит дарданец жестокий,
Пусть для него моя смерть зловещим знаменьем
будет!»
Только лишь молвила так — и вдруг увидали
служанки,
Как поникла она от удара смертельного, кровью
Руки пятная и меч...

Энеида. Кн. IV, ст. 475–476, 645–647, 660–665

⁷³⁶ Не смог без Фисбы жить Пирам, / А Фисба —
без Пирама. — См.: Овидий. *Метаморфозы*.
Кн. 4, ст. 55–166.

Жили Пирам и Фисба; он был всех юношей краше,
Предпочтена и она всем девам была на Востоке.

(IV, ст. 55–56)

С годами крепла любовь; и настала б законная
свадьба,
Если б не мать и отец...

(IV, ст. 60–61)

Дальнейшая история месопотамских влюблен-
ных поразительно схожа с развязкой «Ромео
и Джульетты». Можно быть почти уверенным:
Шекспиру подсказывал Овидий.

Пирам и Фисба

В горе своем попеняв, решили, что ночью безмолвной,
Стражей дозор обманув, из дверей попытаются
выйти

И что, из дома бежав, городские покинут пределы;
А чтобы им не блуждать по равнине обширной,
сойдутся

Там, где Нин погребен, и спрячутся возле, под тенью
Дерева. Дерево то — шелковицей высокою было...

(IV, ст. 84–89)

Фисба покинула город первой, наткнулась на
львицу, только что растерзавшую быка, и спря-
талась, уронив на месте условленной встречи
свое покрывало.

Львица, жажду меж тем утолив изобильной водою,
В лес возвращаясь, нашла не Фисбу, а наземь
упавший

Тонкий покров и его растерзала кровавою пастью.
Вышедши позже, следы на поверхности пыли увидел
Львиные юный Пирам и лицом стал бледен
смертельно;

А как одежду нашел, обогренную пятнами крови, —
<...> Тут же в себя он железо вонзил, что у пояса
было...

(IV, ст. 102–107; 119)

Покинув укрытие, Фисба обнаружила умираю-
щего юношу, поняла, что произошло, и

Грудью упала на меч, еще от убийства горячий.

(IV, ст. 163)

738 ...Храм / Обрушил на себя Самсон, / Врагом коварным ослеплен. Самсон — библейский силач и герой, чьи враги, филистимляне, склонили на свою сторону Далилу (Далиду), возлюбленную Самсона: «...выведай, в чем великая сила его и как нам одолеть его, чтобы связать его и усмирить его; а мы дадим тебе за то каждый тысячу сто сиклей серебра» (Суд. 16; 5). «И он открыл ей все сердце свое и сказал ей: бритва не касалась головы моей, ибо я назорей Божий от чрева матери моей; если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; я сделаюсь слаб и буду как прочие люди» (Суд. 16; 17). «И усыпила его (Далида) на коленях своих, и призвала человека, и велела ему остричь семь кос головы его» (Суд. 16; 19). «Филистимляне взяли его и выкололи ему глаза, привели его в Газу и оковали его двумя медными цепями, и он молот в доме узников. Между тем волосы на голове его начали расти, где они были острижены» (Суд. 16; 21—22). Принося жертву своему богу Дагону, филистимляне решили вволю поиздеваться над плененным богатырем: «...пусть он позабавит нас. И призвали Самсона из дома узников, и он забавлял их (и заушали его), и поставили его между столбами» (Суд. 16; 26). «И воззвал Самсон к Господу и сказал: Господи Боже! вспомни меня и укрепи

меня только теперь, о Боже! чтобы мне в один раз отмстить Филистимлянам за два глаза мои. И сдвинул Самсон с места два средних столба, на которых утвержден был дом <...>. И уперся всею силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем. И было умерших, которых умертвил (Самсон) при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он в жизни своей» (Суд. 16; 28—30).

808 *Зрак* — вид, зрелище.

882 *Кольми* — сколько, насколько.

947 *Зане* — ибо, поскольку.

988 *Пеклась о ближних, как Эсфирь*. «Есфирь (звезда) (Есф. II, 7, 9), — прежде называлась: Гадасса (мирта) — молодая, красивая еврейка, дочь Авигалла, из колена Вениаминова, сделавшаяся царицею, супругою Персидского царя Ассиура (Артасеркса) Лонгимана. Лишившись еще в детстве своих родителей, Есфирь была воспитана своим родственником, Мардохеем, занимавшим должность привратника при дворе царском в Сузах. Когда Ассиур, разгневавшись на свою супругу Астин, развелся с нею, то с всего царства в Сузу [sic. — С. А.] были собраны красивейшие девицы для выбора из числа их жены Персидскому государю, в числе их находилась и Есфирь. На ней-то

остановился выбор царя, и она заступила для него место оставленной Астини. Не зная, что Есфирь принадлежит к Еврейскому народу, Ассуйр разрешил первому своему вельможе, Аману, ненавидевшему Евреев, в известный день умертвить всех Евреев в его царстве и овладеть их состоянием. А так как Мардохей оказывал открыто презрение к Аману и не отдавал ему должного почтения, то Аман решил немедленно испросить у царя разрешение повесить Мардохея, для которого нарочно приготовлена была уже и виселица. Но не успел еще Аман получить разрешения на это, царь вспомнил о личной великой услуге ему Мардохея и от приближенных лиц узнал, что Мардохей за свою заслугу ничем не был награжден, поэтому как только Аман предстал царю, получил приказание отличить особою почестью Мардохея. И вот, по чудному действию Божия Промысла, Аман сам вскоре погиб на виселице, тогда как все Иудеи были спасены от грозившего им истребления, а Есфирь и Мардохей возвеличены еще более. Все эти обстоятельства подробно описываются в книге *Есфирь*. По случаю чудесного избавления, Мардохей и Есфирь установили в 14 и 15 день месяца Адара (Есф. IX, 21) праздник *Пурим*, или *жребиев*, потому что Аман кидал жребий, выбирая день для погубления Евреев...» (Иллюстрированная полная популярная

Библейская Энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. М.: Типогр. А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловский пер., собств. дом, 1891.) Остается добавить: иудеи были спасены, потому что «...поднялась Есфирь, и стала пред лицом царя, и сказала: если царю благоугодно, и если я нашла благоволение пред лицом его, справедливо дело сие пред лицом царя, и нравлюсь я очам его, то пусть было бы написано, чтобы возвращены были письма по замыслу Амана, сына Амадафа, Вугеянина, писанные им об истреблении Иудеев во всех областях царя; ибо, как я могу видеть бедствие, которое постигнет народ мой, и как я могу видеть погибель родных моих?» (Есф. 8; 4—6.)

1001 *Тольми* — настолько, столь.

1030 *Вретище* — грубое, убогое одеяние, рубище.

1057 *Геракл* — древнегреческий герой, сын Зевса и Алкмены — супруги тиринфского царя Амфитриона, вместе с женой изгнанного в Фивы. Геракл совершил двенадцать (по другому подсчету — тринадцать) эпических подвигов.

1058 *Нарцисс* — прекрасный юноша, столь вожделевший к собственному отражению в речной воде, что зачах, непрерывно разглядывая себя самого, и превратился в одноименный цветок. Любившая

этого несравненного красавца нимфа Эхо истаяла от печали, стала всего лишь голосом, отвечающим на людские клики (*Метаморфозы*. Кн. 3, ст. 402—510). О Нарциссе у Овидия сказано:

Даже и после — уже в обиталище принят Аида —
В воды он Стикса смотрел на себя.

(III, ст. 504—505)

1067 *О, будь я истинная смесь / Ахилла с Гектором...* — Ахеец Ахилл и троянец Гектор были самыми грозными бойцами во время Троянской войны.

1080 *Пенелопа* — царица острова Итаки, дочь Икария, жена Одиссея (Улисса), долгие годы верно ждавшая своего скитавшегося мужа и хитроумно отвергавшая домогательства являвшихся к ней женихов.

1083 *Лукреция* — жена патриция Коллатина, обеспеченная сыном последнего из римских царей этруска Тарквиния Гордого, тоже Тарквинием. Не вынеся позора, Лукреция закололась, а восставший римский народ прогнал царя и установил республиканское правление. Смерть Лукреции вдохновляла многих живописцев (Альбрехта Дюрера, Симона Вуэ и др.), а Вильям Шекспир изложил этот памятный эпизод античной истории в своей поэме «Лукреция».

1084 *Тит Ливий* — древнеримский историк (59 г. до Р. Х. — 17 г. по Р. Х.), родившийся в городе Па-тавии (ныне Падуа), по преданию, основанном Антенором (см. ниже). «Ритор и писатель, Тит Ливий не исследует римскую историю, а излагает ее. Он целиком зависит от своих предшественников, заимствуя у них сведения без всякой проверки... Стройность и занимательность стоят у Ливия на переднем плане. Красота какой-нибудь легенды заставляет его иногда жертвовать исторической истиной. Вряд ли он доверял всем тем преданиям, какие передавал, но они привлекали его как художника. Поучительному и занимательному он уделял больше внимания, чем исторически важному, поэтому фантастические рассказы о подвигах знаменитых римлян, о чудесах и знамениях занимали у него больше места, чем изложение важных для римского политического и социального строя законов» (Машкин Н. А. История Древнего Рима. Л.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 13—14).

1085 *Квири́т* — чистокровный и полноправный уроженец Древнего Рима. Кви́рин, особое римское божество, считался двойником бога войны Марса (Ареса или Арея в эллинской традиции). От имени Кви́рин и произошло это второе, древнее

название римского гражданина. Существовало даже особое квиритское право. «Право собственности обозначалось обычно упоминанием имени владельца в родительном падеже и словами „по квиритскому праву“: „это раб Семпрония по квиритскому праву“ (hic homo Sempronii ex jure Quiritium)» (Там же, с. 133.)

1111 *Опричь* — помимо, кроме (второе название опричников — кромешники).

1118 *Предатель Трои, Антенор* — С нашей точки зрения, слово «предатель», примененное к Антенору, звучит чересчур уж сильно. Троянская война разгорелась, как известно, из-за того, что сын царя Приама, прекрасный Парис, похитил у спартамца Менелая жену Елену. Советник Приама, троянский старейшина и разумный человек, Антенор предлагал прекратить многолетнее кровопролитие, вернув Елену ахейцам:

Мужи троянские также совет, на вершине Пергама,
Смутный и шумный держали, пред домом Приама
владыки.

Первый на нем Антенор совещать благомысленный
начал:

«Трои сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!
Слух преклоните, скажу я, что в персях мне сердце
внушает:

1155 Я стихотворец, но плохой — Как говорилось выше (см. примеч. к ст. 49), стихосложение числилось меж семи рыцарских искусств.

1160 Как сын Ламехов, Иувал — «И познал Каин жену свою; и она зачала и родила Еноха. И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох. У Еноха родился Ирад (Гаидад); Ирад родил Мехиаеля (Малелеила); Мехиаель родил Мафусала; Мафусал родил Ламеха. И взял себе Ламех две жены: имя одной: Ада, и имя второй: Цилла (Селла). Ада родила Иавала: он был отец живущих в шатрах со стадами. Имя брату его Иувал: он был отец всех играющих на гусях и свирели» (Быт. 4; 17—21).

1164 Брат Иувалов, Тувал-каин, / Первейшей кузницы хозяин — «Цилла также родила Тувал-каина (Фовела), который был ковачем всех орудий из меди и железа...» (Быт. 4; 22). Иувал ошибочно зовется в подлиннике Тувалом, а в кузнице работает безымянный «брат»:

...As coude Lamekes sone Tubal...

1169 Орфей — «В именах мифических певцов, которые дошли до нас по преданию, отчасти сохранились несомненные воспоминания о древнейших служителях поэзии <...>. Подобные... чувства связаны с именем Орфея...» (Мифология греков

и римлян / Сост. доктор Отто Зеemann. Пер. под ред. В. Гиацинтова. М.: Издание книжн. маг. В. Думнова, под фирм. «Наследн. бр. Салаевых», 1893).

1248 *Кассандра* — дочь троянских повелителей Приама и Гекубы, обладавшая провидческим даром. Во время разгрома Трои пыталась укрыться в святилище богини Афины, однако ахеец Аякс обнаружил Кассандру и обесчестил ее. Впоследствии пленницу взял себе ахейский царь Агамемнон.

1274 *Лал* — старинное название драгоценного камня красного цвета; шпинели.

Птичий парламент

«Птичий Парламент» (The Parlement of Foules) предположительно датируется 1382 годом. Поэма написана по случаю бракосочетания между Ричардом II и Анной Богемской. Сохранилось четырнадцать рукописей, большинством которых ныне располагают библиотеки Оксфорда и Кембриджа. В 1477 или 1478 году эту чосеровскую поэму издал английский первопечатник Вильям Кэкстон (William Caxton, 1422–1491).

- 31 *Туллий* — автор латинских трактатов.
- 36 *Сципион* — Речь идет о Публии Корнелии Сципионе Эмилиане Африканском Младшем, римском консуле 147 и 134 гг. до Р. Х. Во время Третьей Пунической войны, в 147 году, Сципион прибыл в Африку, осадил Карфаген и весной 146 г. до Р. Х., взяв город приступом, буквально стер его с лица земли. Римляне засыпали солью плодородные карфагенские земли, навечно запретили кому бы то ни было селиться на месте, где стоял Карфаген, а пепелище торжественно предали проклятию.
- 39 *Масинисса* — нумидийский царь, союзник римлян, умерший во время Третьей Пунической войны. Великолепная конница Масиниссы изрядно помогла Сципиону победить карфагенян.
- 42 *Дед, Африканец...* — Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший приходился внуком Публию Корнелию Сципиону Африканскому Старшему, консулу 205 и 194 гг. до Р. Х. Сципион Старший высадился на африканском берегу в 204 г. до Р. Х., возглавляя тридцатитысячное войско. Вышеупомянутый нумидийский царь Массинисса, тогда еще молодой человек, предложил Сципиону всяческое содействие,

и прославленный карфагенский полководец Ганнибал потерпел от союзников первое и последнее свое поражение в битве при Заме. Сципион Старший был знаменит честностью и добродетелью. У Полибия, Тита Ливия и других приводится рассказ о том, как двадцатитрехлетний Сципион с готовностью возвратил прекрасную испанскую пленницу любившему ее мужу.

113 *Киферея* — так называли Афродиту, богиню любви. На острове Кифера (Цитера), лежащем к югу от полуострова Пелопоннес, находилось наизнаменительшее святилище Афродиты, из которого культ богини постепенно распространился по всей Элладе.

117 *О ты, в полночной россыпи светил / Ярчайшая!* — планета Венера, ярчайшая звезда северного неба. Общеизвестно, что Венерой звали Афродиту римляне.

Повествование

125 *Там крупно были писаны и ярко / Стихов разноречивых два столбца* — Наверняка навеяно «Божественной комедией», в которой над вратами, ведущими в Ад, начертаны грозные терцины. Взятая из них фраза «оставь надежду всяк сюда входящий» (перевод Д. Е. Мина)

в XIX веке сделалась крылатой и остается крылатой поныне. Полностью же у Данте говорится так:

Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям.

Был правдою мой зодчий вдохновлен:
Я высшей силой, полнотой всезнанья
И первую любовью сотворен.

Древней меня лишь вечные созданья,
И с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упованья.

*Данте Алигьери. Божественная комедия.
Песнь третья, ст. 1—9. Пер. М. Л. Лозинского.
Здесь и далее цит. по изданию:
Данте Алигьери. Новая жизнь.
Божественная Комедия // БВЛ.
Сер. 1. Т. 28. М.: Худож. лит., 1967*

Если в начале творческого пути Джеффри Чосер старался руководствоваться французскими литературными образцами, то после 1370 года чрезвычайно значительным делается влияние итальянской словесности. По мнению английских исследователей, более всего Чосер обязан Джованни Боккаччо, Данте Алигьери и Франческо Петрарке.

158 Не бойся, приближайся к рубежу: / Не о тебе глаголы этих строк — Ср. у Данте:

Я, прочитав над входом, в вышине,
Такие знаки сумрачного цвета,
Сказал: «Учитель, смысл их страшен мне».

Он, прозорливый, отвечал на это:
«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета».

Песнь третья, ст. 10–15

190 *На каждой ветви птицы щебетали* — Ср. с описанием леса в «Книге о королеве».

229 *И трое тех, кому названья нет* — В английском тексте поэмы говорится:

Messagerye, and Mede, and other three —
Hir names shul noght here be told for me...

Какие именно грехи либо преступления подразумевает Чосер под этими «тремя», возможно лишь догадываться.

240 *Полсть* — полотнище, полог.

256 *Приап* — фаллическое божество, олицетворение и покровитель чувственной страсти. Приап, так же как Вертумн и Помона (см. ниже) считался в Риме богом плодородия, числился попечителем садов и родников. Случай с ослом описывается у Овидия (Фасты. I, 433–438).

Вдруг тут осленок, верхом на котором Силен появился,
Вовсе некстати своим голосом грубым взревел.

В ужасе нимфа, вскочив, оттолкнула руками Приапа
И всполошила кругом рощу, пустившись бежать.
Бог же, державший уже наготове оружие страсти,
Общим посмешищем стал в ярком сиянье луны.

Пер. Ф. Петровского

- 261 *Киприда* — еще одно имя Афродиты, по названию острова Кипр, возле которого, согласно мифу, богиня возникла из белой морской пены.
- 276 *Хмельной Иакх* беседовал с *Помоной*, / *Богиней*, истребляющею глад — *Иакх* — одно из имен Диониса (Вакха). Бог вина и веселья стоит у Чосера подле римской богини *Помоны*, дарившей землю плодородием и, следовательно, «истреблявшей глад».
- 282 *Охотниц*, прогневивших *Артемиду* — *Артемида* (у римлян — *Диана*), дочь *Зевса* и *Лето* (*Латоны*), сестра *Феба* (*Аполлона*), вечно девственная богиня-охотница, вооруженная луком и сопровождаемая роем нимф, которым также надлежало, по воле богини, хранить целомудрие. Со спутницами, не сберегшими невинность, *Артемида* расправлялась весьма жестоко (см. ниже *Каллисто*).
- 287 *Аталанта* — Нельзя сказать с уверенностью, повествуют мифические источники о двух *Аталантах* или об одной-единственной героине.

Аталанта-лучница участвовала в Калидонской охоте (см.: Овидий. *Метаморфозы*. Кн. 8) и в походе аргонавтов. Она была жительницей Аркадии. Аталанта-бегунья, славившаяся непревзойденной быстротой ног (*Метаморфозы*. Кн. 10), обитала в Беотии. Эти два образа сплошь и рядом сливаются воедино. Чосер числит свою Аталанту спутницей Артемиды и считает, будто провинившуюся деву покарала богиня охоты. У Овидия же Аталанта Беотийская предлагала домогавшимся ее женихам состязаться в беге. Проиграв, она обязывалась выйти замуж за победителя, но выиграв — казнила непроторного поклонника. Обогнать Аталанту сумел один лишь Гиппомен, воззвавший о помощи к Афродите. Киферея даровала юноше три золотых яблока, и он во время состязания кидал их наземь:

Мета была далеко. Тогда наконец-то Нептунов
Правнук один из древесных плодов на ристалище
кинул.

И обомлела она, от плода золотого в восторге,
И отклонилась с пути, за катящимся златом
нагнулась.

(X, ст. 664—667)

Трижды Аталанта наклонялась, трижды подбирала чудесные плоды и тем дозволила Гиппомену вырваться вперед. Когда же прекрасная дева сделалась женой Гиппомена, счастливец позабыл

принести благодарность выручившей его Афродите. Богиня прогневалась и обратила Гиппомеху с Аталантой во львов.

Каллисто — аркадская нимфа, спутница богини Артемиды (Кинтии). Зевс насильно овладел нимфой, и

«Прочь, — сказала, — иди, родника не скверни мне
святого!» —
Кинтия и отойти от своих приказала ей спутниц.

(II, ст. 464—465)

Ревнивая Юнона (Гера), по иным источникам — Зевс или Артемида, обернула Каллисто медведицей. По версии Аполлодора, бывшая нимфа гибнет впоследствии от посланной Артемидой стрелы. У Овидия же говорится, что сын Каллисто, юный Аркад, охотясь в Эриманфском лесу, вознамерился пронзить стрелой приближавшуюся мать, но этого

Не допустил Всемогуший и их с преступлением
вместе
Поднял, пространством пустым на быстром ветре
промчал их,
На небе их поместил и создал два рядом созвездья.

(II, ст. 505—507)

Каллисто превратилась в созвездие Большой Медведицы, а юный Аркад — в созвездие Волопаса, или Стража Медведицы, как называли его древние.

288 И роспись на стенах я различил — Ср. с описанием витражей в «Книге о королеве».

289 Дидона — см. примеч. к ст. 731 «Книги о королеве».

Библис (или Библида; в переводе С. В. Шервинского ударение падает на первый слог) — дочь Милета и речной нимфы Кианеи, родившей двойню — девочку по имени Библида (Библис) и мальчика по имени Кавн. Далее см.: Метаморфозы. Кн. 9:

Библиды участь — урок: пусть любят законные девы!
Библида стала пылать вожделением к брату...

(IX, ст. 454–455)

В конце концов ужаснувшийся ее домогательствам и отчаявшийся брат

...бежал от греха, он покинул
Родину и основал град новый в земле чуждедальной.

(IX, ст. 633–634)

Скорбью томима, Библида бросает родимый свой край и пенатов и отправляется искать любимого Кавна по всей Малой Азии. Непрерывно проливая безутешные слезы, девушка

...стала ручьем, сохраняющим в этих долинах
Имя своей госпожи и текущим под иликом черным.

(IX, ст. 664–665)

Иликом назывался каменный дуб.

Фисба и Пирам — см. примеч. к ст. 736 «Книге о королеве».

290 **Изольда и Тристан** — герои средневекового рыцарского романа о Тристане и Изольде. В конце этой книги явно звучат мотивы, заимствованные из мифов о Тезее и легенды о Пираме и Фисбе. Тристану ложно сообщают, будто над кораблем, который должен был доставить Изольду к тоскующему возлюбленному, вместо белого флага — доброго знака — реет черный: это значило, что Изольда не согласилась приплыть на отчаянный зов. Тристан падает мертвым. Увидав остывающее тело Тристана, Изольда умирает подле него.

291 **...Троил / С Парисом...** — Троил — царевич, родной брат Париса (см. примеч. к ст. 1118 «Книги о королеве»), убитый Ахиллом (см. примеч. к ст. 1067 «Книги о королеве»).

292 **Елена** — см. примеч. к 1118 «Книги о королеве».

299 **Толь** — столь, настолько, так.

309 **День святого Валентина** — 14 февраля, праздник влюбленных.

317 **Такожде** — также, тоже.

329 **Замест** — вместо.

335 *Тетеревятник дерзостный...* — ястреб-тетеревятник, зачастую промысляющий охотой на домашнюю птицу.

345 *Зарянка (зорянка)* — малиновка.

351 *И гусь, который встарь квиритов спас* — В 390 г. до Р. Х. галльское войско вторглось в римские пределы и осадило Капитолий. Глубокой ночью галлы пошли на приступ, но священные храмовые гуси почуяли неладное, подняли громкий гогот и разбудили защитников Капитолия, которых возглавлял тогдашний консул Манлий. Нападение галлов отбили, а фраза «гуси Рим спасли» навеки сделалась расхожей.

352 *И отпрыск Афродиты, воробей* — Воробья считали священной птицей Киприды, его нельзя было убить подле храма. Невзрачную чирикающую пичугу сплошь и рядом содержали в клетках, так же, как ныне содержат канареек или волнистых попугаев. Римский поэт Валерий Катулл (87—57 гг. до Р. Х.) посвятил одно из наиболее известных своих стихотворений памяти птенчика (традиционно — воробья), принадлежавшего подруге:

Плачьте, о Купидоны, о Венеры,
Все на свете изысканные люди!
Птенчик умер моей подруги милой,

Птенчик, радость моей подруги милой.
<...> Никогда не слетал с ее она,
Но, туда и сюда по ней порхая,
Лишь одной госпоже своей чирикал.
<...> Будь же проклят, о мрак полночный Орка,
Поглощающий все, что сердцу мило, —
Ты воробушка милого похитил! <...>

*Перевод С. Шервинского. Цит. по изданию:
Гай Валерий Катулл Веронский.
Книга стихотворений.
М.: Наука, 1986. С. 5—6.*

354 **Вран** — ворон.

463 **Вития** — оратор, златоуст, краснобай.

489 **Пря** — препирательство, распря.

589 **Огарь** — разновидность уток.

613 **Когда птенцов извергла из гнезда, / В котором ты
проклюнулась...** — «Обыкновенная кукушка
(*Cuculus canorus*). Несколько мельче голубя. <...>
Перелетная птица. Обычно держится в одиночку,
реже парами. Яйца подкладывает в гнезда
различных птиц (дроздовых, славковых, трясогузок,
мухоловок). По окраске яйца бывают похожи на
яйца тех птиц, в гнезда которых кукушка их
подкладывает, но обычно они крупнее»
(Флинт В. Е., Беме Р. Л., Костин Ю. В., Кузнецов
А. А. Птицы СССР. М.: Мысль, 1968). Вы-

лупившийся в чужом гнезде кукушонок-подкидыш избавляется от остальных птенцов. Замечательный русский натуралист и детский писатель В. В. Бианки называет его «страшным птенчиком» (Виталий Бианки. Лесная газета. Л.: Гос. изд-во дет. лит., 1958. С. 194). Будучи куда крупнее и сильнее сводных братьев и сестер, кукушонок выбрасывает их вон и остается один, полностью поглощая корм, который заботливые приемные родители исправно приносят в прежнем количестве.

675 Рондель — «(франц. *rondel*, от *rond* — круглый) — французская форма стихотворения о трех строфах, охватывающих тринадцать строк. В первых двух строфах по четыре стиха, в третьей пять стихов. Через всю Р. проходят две рифмы. Первые две строки Р. повторяются в конце второй строфы, последняя строка Р. — повторение первой строки целиком или в несколько измененном виде» (А. Квятковский. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966). Как видно из текста поэмы, вставная чосеровская рондель насчитывает не тринадцать, а четырнадцать стихов. Нынешние англо-саксонские филологи называют рондель триолетом, давая следующее определение: «*A roundel* (выделено мною. — С. А.) or *triolet* is a short poem in

which the first line or lines recur as a refrain in the middle and at the end» — Рондель (? — С. А.), она же триолет — короткое стихотворение, где первая строка, или первые строки, становится рефреном в середине и в конце. (Geoffrey Chaucer (ca. 1343–1400) Roundel from The Parlement of Fowls. — Representative Poetry Online: Editor, I. Lancashire; Publisher, Web Development Group, Inf. Tech. Services, Univ. of Toronto Lib. Edition: 2RP.1.39, ed. N. J. Endicott; RPO 1996–2000. © I. Lancashire, Dept. of English (Univ. of Toronto), and Univ. of Toronto Press 2000). С этим определением очень трудно согласиться, ибо триолет насчитывает восемь строк и относится к строгим стихотворным формам — таким, как сонет, рондо и пр. Прежние, гораздо более надежные британские источники недвусмысленно разграничивают *rondel* и *roundel*, говоря, что первая содержит четырнадцать, а вторая — девять стихов на двух чередующихся рифмах, где рефрен повторяет начало первой строки. В качестве примера приводится, между прочим, стихотворение Алджернона Суинберна (Aldgernon Swinburne) «A Roundel is wrought as a ring or a starbright sphere...», посвященное именно этой стихотворной форме (Current Literary Terms. By

A. F. Scott. The Macmillan Press Ltd., 1979. P. 253). Roundel соответствует принятому у нас определению «рондо» — восьми-, тринадцатипяти- и пятнадцатистрочного (см.: А. Квятковский).

680 *Qui bien aime a tard oublie.* — Кто любит крепко, позабудет нескоро (фр.).

Сергей Александровский

Содержание

Книга о королеве	
Вступление	7
Сновидение	26
Птичий парламент	
Вступление	89
Повествование	97
Комментарии	
Любимец муз и королей	141
Примечания	179

Чосер Джеффри

Ч75 Книга о королеве. Птичий парламент / Пер. с англ., коммент. С. А. Александровского. — М.: Время, 2004.. — 224 с.: ил. — (Триумфы).

ISBN 5-94117-146-3

Джеффри Чосер — «утренняя звезда английской литературы», основоположник английского литературного языка, ввел рифмованный стих. Настоящее издание представляет его поэму «Книга о королеве», написанную в духе куртуазной литературы, и сатирическую поэму «Птичий парламент», созданную по случаю бракосочетания английского короля Ричарда II.

ББК 84.4

**В оформлении использованы
гравюры английских художников
Уильяма Морриса (1834—1896)
и Эдуарда Бёрн-Джонса (1833—1898),
а также фрагменты гобеленов из музея
Клюни в Париже.**

Литературно-художественное издание

Серия «Триумфы»

Джеффри Чосер

**КНИГА О КОРОЛЕВЕ
ПТИЧИЙ ПАРЛАМЕНТ**

Перевод С. А. Александровского

Редакторы

Наталья Рагозина, Лариса Спиридонова

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Технический редактор

Вега Позднякова

Корректор

Людмила Назарова

Изд. лиц. № 000985 от 17.02.2000.

Подписано в печать 6.10.2004. Формат 70×90/32.

Бумага для ВХИ. Гарнитура New Journal.

Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ № 612.

«Время».

115326 Москва, ул. Пятницкая, 25.

Телефон: (095) 231 1877.

Отпечатано на ФГУИПП «Уральский рабочий»

620219 Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru